

С. Болдырев, В. Сурганов, Л. Гурвич

Об искусстве ВОСПИТАНИЯ

ЗАПИСКИ
ИНСТРУКТОРОВ-ОБЩЕСТВЕННИКОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ФИЗКУЛЬТУРА И СПОРТ»
МОСКВА 1951

БОЛДЫРЕВ Сергей Николаевич, СУРГАНОВ В., ГУРВИЧ Л.

ОБ ИСКУССТВЕ ВОСПИТАНИЯ
записки инструкторов – общественников

Москва, «Физкультура и спорт», 1951 г.

КАК ВОЗНИКЛА ЭТА КНИГА.....	2
ПУТЬ ПЕРСПЕКТИВ	3
ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ И УВАЖЕНИЕ	10
ДИСЦИПЛИНА НАСТУПЛЕНИЯ.....	22
СТИЛЬ, ТОН, ТРАДИЦИИ.....	31
СИЛА КОЛЛЕКТИВА	42
ПАФОС ИСТОРИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ	52

КАК ВОЗНИКЛА ЭТА КНИГА

Три года, в течение которых мы испытывали и радость побед и горечь поражений, три года поисков дали нам многое. Этот путь был сложен, труден и... захватывающе интересен. Мы понимаем, что это только начало, первые шаги. Но не все начинают одинаково. Может быть, поэтому наши записки окажутся не бесполезными для инструктора физкультуры, тренера, капитана команды, учителя школы. Пусть читатели поспорят с нами о наших «открытиях», вспомнят свои удачи и неудачи, пусть предложат что-нибудь свое — так мы думали, начиная эти записки.

Историческое постановление ЦК ВКП(б) от 27 декабря 1948 года о физической культуре наметило для советских спортсменов путь к новой, высшей ступени развития, необходимой в условиях построения коммунизма. В достижении поставленных задач огромное значение имеет воспитательная работа с физкультурниками. Поэтому для нас, инструкторов-общественников, вопросы воспитательной работы приобретали особенно 'большую остроту во всех наших делах.

Учение Ленина—Сталина, замечательные высказывания Ленина о коммунистическом воспитании и прежде всего речь Владимира Ильича на III съезде комсомола, указания Сталина о воспитании нужных партии и советскому народу качеств нового советского человека служили для нас руководством в решении сложных задач воспитания.

Надежным нашим советчиком в методических вопросах всегда были книги одного из творцов теории методики воспитательной работы А.С. Макаренко.

Искать в них ответа на многие вопросы, методики воспитания заставляла нас следующая важнейшая черта книг А.С. Макаренко: разработанные им теоретические положения целиком основаны на трудах классиков марксизма-ленинизма, выдающийся советский педагог теснейшим образом связывает свою практику и теоретические выводы с марксистско-ленинским учением, с работами В.И. Ленина и И.В. Сталина. «Я имею для руководства общие принципы философии марксизма, — писал А.С. Макаренко, — и указания глубочайшего смысла, указания товарищей Ленина и Сталина». (*Макаренко А.С., Разговор с читателями. «Книга и пролетарская революция», 1938, № 4, стр. 160.*)

В своей практической деятельности мы не раз в недоумении останавливались перед какой-нибудь «педагогической загадкой». Участвуя в туристских походах в горах, работая в секции горного туризма или проходя семинар инструкторов-общественников, мы сталкивались с вопросами воспитательной работы, общими и для тренера по любому виду спорта, и для капитана команды, и для руководителя коллектива физической культуры, и для учителя школы.

Перед нами часто возникал вопрос: что же должен делать, как должен поступать инструктор или тренер команды, чтобы наиболее коротким путем идти к созданию подлинно советского коллектива физкультурников, направлять его жизнь, помогать советским людям, занимаясь спортом, еще сильнее любить свою социалистическую Родину, учиться коллективизму, мужеству, любви к труду, воспитывать волю к завоеванию мирового первенства во всех видах спорта?

Мы искали правильного, нужного нам пути, ошибались и, вновь продолжая свои поиски, в конце концов находили верные формы работы. Но, получив определенную практику, научившись кое-чему, мы поняли, что настоящая педагогическая работа инструктора требует все новых поисков, непрерывного совершенствования, изучения и анализа происходящего.

Успех дела решает коллективная работа инструкторов-педагогов. Мы всегда стремились создавать дружные инструкторские коллективы на семинарах инструкторов, в наших походах или туристских учебных лагерях.

О наших удачах и неудачах, о поисках правильного пути решили мы рассказать в этих записках. Мы припомнили интересные события во время тренировок, на занятиях, в походах. Мы выслушали советы, пожелания, воспоминания товарищей по работе — инструкторов-общественников добровольного спортивного общества «Искра», студентов московских педагогических институтов Светланы Кузьменко, Бориса Середина, Зои Шлюковой, Арика Нагорного, Игоря Ратова, Володи Маландина, Раи Коньшевой, Володи Овчинникова, Василия Леонова, Володи Лежнева, Юры Светлова.

Так возникла эта книга.

ПУТЬ ПЕРСПЕКТИВ

Это было в начале летнего сезона. Молодой инструктор, впервые начавший работать в учебном туристском лагере, спросил своих товарищей:

— Так с чего же начинать?

Он должен был принять группу новичков и с ними уйти в далекий поход через перевалы к морю.

— Волнуешься? — спросили его.

— Очень... — признался он, смущенно улыбаясь, — даже страшно немного... Как сделать так, чтобы у меня получилась дружная группа туристов, чтобы мы понимали друг друга с первого слова, чтобы поход прошел интересно?

— Это может быть только при одном условии, — ответил ему товарищ. — Нужно создать настоящий коллектив.

— Понятно, — нетерпеливо сказал молодой инструктор. — Без организации подлинно советского коллектива невозможно работать. Но как создавать его, с чего начинать? Вот приду я завтра к туристам — что сказать им?

От такого вопроса общими формулировками и цитатами никак не отделаешься. Тут нужно было ясно и точно сказать, с чего следует начать работу и как ее продолжать.

Три года назад мы бы не ответили ясно и четко на этот вопрос. Теперь мы можем это сделать, сама жизнь подсказала нам, с чего следует начинать. Но прежде чем дать здесь ответ молодому товарищу, расскажем, как было с нами в жизни.

Однажды в почтовом отделении высокогорного поселка на Кавказе мы обнаружили письмо, адресованное нам, инструкторам. Много приятного, радостного принесла эта весточка от людей, с которыми мы расстались дней десять назад.

«Не удивляйтесь, — писали они, — что так быстро получаете от нас письмо... К морю мы прибыли 17 июля вечером, так что не сразу рассмотрели, куда попали. Но, прожив там день, мы поняли, что этот курорт устроен не для тех, кто побывал в горах. Даже сама база на море нисколько не напоминает живой наш лагерь. Здесь все как бы застывшее. И люди ходят лениво, вяло. И даже воздух не тот. Он как бы давит на тебя и прибавляет скуки. За этот день мы вспомнили все: и наши интересные занятия, зарядку и линейку, и переправу через Мзымту, и замечательный поход в лагерь Холодный, который мы будем долго-долго вспоминать, и инструкторов Севу и Юру — наших настоящих товарищей. Приехав в свой родной город, мы примем активное участие в туристских походах. И при малейшей

возможности постараемся вновь встретиться с вами следующим летом».

Потом мы часто получали подобные же письма и невольно задумывались вот над чем: в горах у нас была строгая дисциплина, вставали рано, участвовали в трудных походах по снежным перевалам. И все-таки люди добровольно останавливали свой выбор не на безмятежном «голубом» пребывании у моря, а на беспокойных и подчас наполненных опасностями походах в высокогорье.

И это не случайно. Советские люди, воспитанные партией, комсомолом, всем строем нашей жизни в обстановке преодоления трудностей, в борьбе за построение коммунизма, безраздельно отдавали свои симпатии жизни, в которой надо было выступать борцом, смелым человеком, членом дружного коллектива.

Таковы наши советские люди, наша советская молодежь!

И когда возникает вопрос о том, как же лучше всего построить воспитательную работу в походе, в туристской секции, в любом физкультурном коллективе, всегда надо помнить об этом замечательном качестве советских людей. Это было первое, что мы поняли.

Товарищ Сталин учит:

«Настоящая закалка кадров получается на живой работе вне школы, на борьбе с трудностями, на преодолении трудностей. Помните, товарищи, что только те кадры хороши, которые не боятся трудностей, которые не прячутся от трудностей, а, наоборот, идут навстречу трудностям для того, чтобы преодолеть и ликвидировать их. Только в борьбе с трудностями куются настоящие кадры...» (*Сталин И.В., Речь в Кремле на выпуске академиков Красной Армии 4 мая 1935 г., «Вопросы ленинизма», изд. 11, 1939.*)

Жизнь преподавала нам и еще один урок.

Подготавливая инструкторов–общественников по туризму, мы проводили одно из последних занятий семинара. Казалось, теперь, когда участники семинара — зеленая молодежь — побывали в трудном зимнем походе, сплотились в крепкий коллектив, дисциплина должна быть отличной. Но неожиданно произошло нечто противоположное тому, что мы ожидали. Это последнее занятие едва можно было вести. Одни рисовали в тетрадах, другие строчили записочки, третьи тихо, но оживленно беседовали.

Инструкторы были почти в отчаянии: казалось, так хорошо все шло, с таким интересом все занимались, и вот тебе — в мгновение ока коллектив вышел из-под нашего влияния. Почему? Мы ничего не понимали.

Но часа через два после окончания занятия все опять наладилось. Участников семинара охватило деятельное оживление. В разных углах комнат одни туристы повторно изучали приемы пользования компасом, другие чинили лыжные крепления, третьи ремонтировали рюкзаки. Любо было посмотреть на эту картину.

Так в чем же дело? Почему занятие не удалось, а вскоре вслед за тем коллектив зажил своей привычной жизнью?

«Секрет» оказался очень прост. Занимающиеся невольно сочли, что все трудности — позади, что они, заканчивая семинар, достигли наивысших побед. Послезавтра — по домам! И вот тогда начались «перебои»: впереди не было никаких перспектив.

Но стоило только сказать: «Завтра туристские соревнования...» — и все встало на свое место. Ведь перед людьми возникла новая серьезная задача: закрепить участки эстафеты за членами команд, привести в порядок снаряжение и т. п. И тогда коллектив, уже привыкший к интересной, полной борьбы жизни, тотчас «пришел в норму» — впереди было за что бороться...

Натянутая струна может спеть сильную и красивую песню. Но попробуйте спустить струну, и она уже не станет петь, ее надо вновь настраивать. Вот то же самое происходит и в походе, в туристской секции, да и в физкультурном коллективе: надо, чтобы струна была всегда настроена, то есть, чтобы атмосфера, тон в коллективе были бодрыми, жизнерадостными. Тогда легче, интереснее инструктору вести свою педагогическую работу.

Но как же держать струну всегда настроенной? Что для этого надо делать? Как

организовать ознакомление с родным краем, изучение туристской техники, построение спортивной работы, чтобы коллектив был всегда собран, устремлен вперед, в завтра?

Здесь мы подходим к очень важному качеству инструктора, руководителя секции, тренера команды — их умению управлять жизнью коллектива, делать ее полнокровной, целеустремленной, бодрой.

В конце концов, нам удалось найти правильный путь — не мероприятия, а именно путь, общий принцип, пригодный — мы в этом убедились на практике — во всех случаях. Он противоречил некоторым «прописным» истинам. Но он никогда не вступал в противоречие с жизнью.

Этот путеводный принцип, знание которого делает педагогическую работу инструктора точной, мы почерпнули не из книг, а «открыли» в самой жизни. Мы берем слово открыли в кавычки, потому что эта глава педагогики была в свое время подробно разработана Антоном Семеновичем Макаренко.

Вот как произошло у нас это «открытие». Ранней весной за городом в овраге члены секции горного туризма вели занятия по овладению самостраховкой на снежном склоне с помощью палки. Солнце растопило снег, и часа через два занятий все мы промокли до последней нитки: надо было то подниматься, то спускаться по крутизне, падать в снег... В конце концов, занятие всем надоело.

Но предстояло освоить самый сложный прием самостраховки в случае падения на склоне на спину. Мы, инструкторы, колебались: если начать сейчас изучение этого сложного приема, люди, чего доброго, разбегутся с семинара. Но весна не ждала нас; в следующее воскресенье снег растает и тогда уже не провести этого важного занятия. Хочешь, не хочешь — надо продолжать.

Выстроив насквозь промокших участников семинара, мы начали объяснять, что надо будет сейчас проделать. И, странное дело, — едва только они услышали, что прием этот сложен и что не так просто, скользя по снегу на спине головой вниз, принять нормальное положение и задержаться, как их лица оживились, глаза заблестели. Занятия пошли еще интереснее, с еще большим воодушевлением, чем вначале. Радостные и довольные, возвращались в город туристы. После этого занятия коллектив наш стал крепче, сплоченнее.

Позднее, вспомнив этот случай, мы поняли, что тут есть над чем задуматься. То, что случилось, казалось, противоречило логике. Идя по проторенной дорожке, следовало бы к концу занятия, очевидно, предложить что-то более простое и легкое; но мы сделали как раз наоборот — поставили участников семинара в положение сложное, — и конец занятия прошел много интереснее, чем начало.

Да как же так могло получиться?

Вспомнилась еще одна интересная деталь. Когда изучение последнего, наиболее сложного приема подходило к концу, туристы вновь потеряли интерес к занятию. Но едва только мы сказали: «Сейчас начнутся зачеты; надо поставить оценку выполнения всех приемов», — и занятия опять увлекли всех без исключения.

Тогда мы поняли, что в жизни все происходит куда сложнее и ярче, чем это иногда нам кажется. И та формалистическая методика, которая подсказывала, что к концу занятий надо предложить что-то более легкое и простое, — неправильная, надуманная методика. Уже не в первый раз мы подумали, как сложна, но и как удивительно интересна педагогическая работа инструктора. И какая, в конце концов, это точная наука.

Пусть не поймут нас неправильно: мы вовсе не хотим сказать, что туризм надо превращать в какое-то подобие подвижничества, выматывать силы туриста. Физическое напряжение в занятиях и походах надо всегда строго рассчитывать, согласовывать с силами участников.

Сейчас мы говорим о другом: о необходимости интересной перспективы. Интересной — это значит, как правило, трудной — трудной не обязательно физически. Важно, чтобы коллектив испытал и проверил свои силы в борьбе, убедился в наличии этих сил, поверил в,

них, почувствовал радостное удовлетворение победителя.

Нам стал ясен тот путь, по которому надо идти, чтобы жизнь коллектива всегда была полнокровной. Перед туристами и альпинистами — в работе секции, в походе или в учебе, перед участниками волейбольной команды, перед членами секции по легкой атлетике или по другому виду спорта всегда должна быть поставлена перспектива борьбы, перспектива овладения новыми знаниями, новыми приемами.

Но этого еще мало. Надо, чтобы каждую решенную задачу сейчас же сменяла другая — более сложная. Когда одна перспектива «исчерпана», ее должна сменить новая, более интересная, вслед за ней еще более интересная и т. д. Если же перспектива исчезает и ей на смену не выдвигается другая — коллектив неминуемо распадется...

Примерно вот так мы и ответили на вопрос нашего молодого товарища — с чего надо начинать создание коллектива. Мы объяснили ему, что одно из самых важных качеств инструктора заключается в умении своевременно и постоянно выдвигать перед участниками группы очередные перспективы.

Этого можно достичь простым путем. Надо, чтобы ежедневно и даже ежечасно перед участниками туристской группы или спортивной секции ставились все более сложные технические задачи, чтобы они преодолевали все возникающие трудности, чтобы туристы каждый день узнавали что-то новое о крае, в котором они путешествуют, о делах советских людей, преобразующих природу, об особенностях данного уголка Родины. И тогда до самого последнего дня похода туристы будут все время двигаться вперед, все время осваивать новое.

Когда мы излагали это «открытие», нам иногда говорили: «Ну что же, все это естественно — всегда в любых занятиях, в том числе и в овладении туристскими навыками и в физкультурной работе, надо идти от простого к более сложному...»

Но в действительности это не так просто, как кажется людям, равнодушно относящимся к окружающему миру. Дело тут не просто в том, что смена менее сложного более сложным необходима в целях лучшего усвоения материала. Смена задач, лучше сказать перспектив, нужна прежде всего для того, чтобы поставить коллектив в наиболее выгодные условия его жизни и развития. И, если что-то в коллективе не ладится, инструктор прежде всего должен подумать над тем, есть ли перспектива, не возникают ли провалы, не получается ли «холостого хода».

«Всякая, даже небольшая радость, стоящая перед коллективом — говорит А.С. Макаренко, — делает его более крепким, дружным, бодрым». (Макаренко А.С., *Педагогические сочинения, АПН РСФСР, 1948, стр. 183.*)

«Сначала нужно организовать самую радость, вызвать ее к жизни и поставить как реальность. Во-вторых, нужно настойчиво претворять более простые виды радости в более сложные и человечески значительные... Начинать можно и с хорошего обеда, и с похода в парк... Но надо всегда возбуждать к жизни и постепенно расширять перспективы целого коллектива, доводить их до перспектив всего Союза». (Макаренко А.С., *Педагогические сочинения, АПН РСФСР, 1948, стр. 179*)

Эти замечательные мысли, высказанные с такой отчетливостью, показали нам и педагогическое и политическое значение «открытия», о котором мы только что рассказали.

А.С. Макаренко свел теорию перспективных линий в краткую, полную глубокого философского смысла и в то же время яркую формулу: «Истинным стимулом человеческой жизни является завтрашняя радость». (Макаренко А.С., *Педагогические сочинения, АПН РСФСР, 1948, стр. 179*) Он говорил, что методика работы в коллективе заключается в использовании уже имеющихся перспектив и в постановке других, более сложных, в замене устаревших перспектив новыми, в мобилизации членов коллектива на выполнение поставленных задач.

Эта методика — замечательная особенность именно советской педагогики, она рождена всем ходом нашей жизни, социалистическим характером нашего общества. Партия

большевиков и советское правительство непрерывно выдвигают перед нашим народом величайшие исторические перспективы, мобилизуют советских людей на выполнение грандиозных задач построения коммунистического общества. Решения большевистской партии и советского правительства о создании лесных полос, о строительстве гигантских электростанций на Волге, Главного Туркменского и Волго-Донского каналов, электростанций и каналов на Украине и в Крыму — какие это увлекательные, грандиозные перспективы для всего советского народа! Они пробудили к жизни новую энергию, новые силы людей всего нашего социалистического общества.

Формулируя свои выводы о перспективах в педагогике, А.С. Макаренко исходил из указаний классиков марксизма-ленинизма.

Наш вождь и учитель товарищ Сталин указывает:

«Нельзя строить по-настоящему, не зная — во имя чего строишь. Нельзя двигаться ни на шаг, не зная направления движения. Вопрос о перспективе есть важнейший вопрос нашей партии, привыкшей иметь перед собой ясную и определенную цель». (*Сталин И.В., Вопросы и ответы. Речь в Свердловском университете 9 июня 1925 г., Сочинения, т. 7, стр. 204.*)

Можно ли говорить о перспективах в буржуазной педагогике? Трудового человека в капиталистическом обществе ждет «перспектива» остаться без работы, быть выкинутым на улицу из своего жилища, упрятым за решетку тюрьмы. Это, конечно, не перспектива, а полная бесперспективность. Для честного трудового человека там есть только одна подлинно увлекающая вперед перспектива — борьбы с прогнившим капиталистическим строем, борьбы против войны, борьбы за мир.

Эта перспектива отнюдь не утверждает буржуазного общества, она отрицает его. А в нашем обществе все перспективы — это перспективы утверждения, развития нашего общества, коммунистической идеологии, материальной базы коммунизма.

Теория перспективных линий — это достижение нашей советской педагогики, и инструктор должен отчетливо понимать природу этой стороны своей деятельности. К сожалению, далеко не всем ясно, как применить на практике это важнейшее теоретическое положение.

В 1950 году во время организации осеннего слета туристов и альпинистов Москвы было решено впервые провести сложные туристские соревнования по преодолению полосы естественных препятствий — реки и крутого склона. В соревнование также включалась переноска «пострадавшего», бег, расстановка палатки.

Накануне слета организаторы соревнований неожиданно столкнулись с сопротивлением некоторых товарищей, утверждавших, что соревнования не будут иметь успеха, так как они очень сложны и поэтому отпугнут туристов. требуют предварительной подготовки участников и т. д. При этом ссылались на то, что даже легкие соревнования и прошлые годы проваливались из-за нежелания туристов участвовать в них: выступало лишь 3—4 команды.

Мы отвечали:

— Предыдущие соревнования проваливались именно потому, что были легкими: их простота, легкость никого не увлекала. Перед людьми не возникало интересной перспективы... А сейчас именно трудность соревнований привлечет симпатии молодежи. Поэтому такие соревнования и будут иметь успех. Да и руководители соревнований, почувствовав, что они берутся за сложное дело, с большей ответственностью, большим интересом отнесутся к организации соревнований...

Что же оказалось на самом деле?

Вместо 3—4 команд, как это было в прошлом, на участие в соревнованиях подали заявки 26 команд. Некоторые спортивные общества заблаговременно провели свои собственные отборочные соревнования, организованные по такому же типу. Участники почти всех команд — сто тридцать человек — за неделю до слета собрались за городом и провели предварительную разметку дистанции и тренировку. Соревнования вызвали

живейший интерес и имели блестящий успех. Около 2000 туристов и альпинистов участвовало в слете.

Здесь еще раз мы убедились воочию, что надуманная логика очень далека от логики жизни и что принцип перспектив, это не только вопрос перехода от менее сложного к более сложному, но и нечто гораздо большее — средство организации коллектива (в данном случае — участников соревнований).

Инструктор, тренер по любому виду спорта всегда должен помнить об этой особенности педагогической работы, воплощать в жизнь принцип перспектив. Это сравнительно просто сделать: ведь даже сама спортивная классификация построена так, чтобы создать у физкультурников ряд перспектив, то есть условия для непрерывного движения вперед.

«Я убежден, что если перед коллективом нет цели, то нельзя найти способа его организации...» — говорит А.С. Макаренко. (*Макаренко А. С., Избранные педагогические произведения, Учпедгиз, 1946, стр. 79.*)

В наших туристских лагерях осязаемым выражением целей, венчающих туристский переход, было преодоление трудного горного маршрута и завоевание права на значок «Турист СССР».

Туристы проводили в лагере 10—12 дней, участвовали в занятиях по переправам через горные реки, овладевали техникой преодоления скалистых или заснеженных участков, изучали основы топографии и первой помощи, знакомились с природой, трудом советских людей того уголка Кавказа, где располагался наш лагерь. Затем туристы, преодолевая перевал, выходили к берегу Черного моря.

В лагерях группы новичков быстро сплачивались в прочные, дружные коллективы. Мы старались так распланировать изучение края, овладение туристской техникой на маршруте, чтобы каждый день решалась новая, интересная, сложная задача. Коллективная борьба, устремление вперед, марш к ясно поставленной цели увлекали туристов.

Среди некоторых методистов по туризму существует убеждение, что с новичками надо начинать с самого простого и легкого, лучше с лекций о пользе туризма. Но жизнь привела нас совсем к другому выводу.

Первое, что должен сделать инструктор, чтобы случайно встретившиеся люди ощутили свое объединение в коллектив, — это поставить туристов в обстановку общей борьбы, в обстановку преодоления трудностей. Вот почему в качестве первого испытания мы предлагали такое занятие, где бы могла проявиться сплоченность, организованность людей, требовательность к товарищам и уважение к ним. Таким занятием в наших условиях, например, было овладение навыками движения по очень несложным скалам.

Мы вовсе не требовали овладения всей системой приемов скалолазания, которая изучается в альпинистских лагерях. Были лишь элементарные навыки движения по крупным обломкам скал и надежная страховка с помощью веревки на склоне с выступами и трещинами. И был яркий кавказский пейзаж, и запах трав, нагретых солнцем, и радостное бодрое настроение.

Конечно, необходимо было научить новичков элементарным техническим приемам. Но, кроме того, от этих занятий мы ждали неизмеримо большего. Нужно было заинтересовать новичков горным туризмом, показать им необычность и увлекательность походов, подчеркнуть колорит гор. Мы стремились поставить перед туристами такие задачи, выполнение которых заставило бы их мобилизовать все свои способности и силы. И самое главное: мы ждали, что такие занятия помогут сделать еще один шаг к организации коллектива.

Здесь мы совмещали принцип постепенного возрастания трудностей занятий с постановкой перед туристами сразу интересной, увлекательной задачи, решительным и сильным толчком включая новичков в жизнь и дела на нашем туристском маршруте.

Этот же принцип создания коллектива можно легко воплотить в любом виде спорта.

Метод перспективных линий обязательно должен быть использован и в работе физкультурных коллективов предприятия.

Иногда приходится слышать от начинающих руководителей туристской секции: «Вот какой у нас народ трудный — работали, работали, уговаривали, доклад о туризме сделали, объявление о доходе повесили и что же? На организационное собрание едва пятнадцать человек явилось, а в поход и того меньше. Ничего у нас с народом не сделаешь, не хотят заниматься туризмом и все...»

Такой руководитель совершенно напрасно удивляется своему неучастию... В самом деле, разве доклад, пусть даже очень интересный, или собрание, пусть даже хорошо организованное, может сравниться с увлекательной перспективой сложного похода, с самим походом, если этот поход тщательно продуман руководителем?

Начинать нужно с интересного, с большого дела, которое потребовало бы от людей не только аккуратной явки на вокзал с необходимым туристским снаряжением, но и заставило бы их включить в работу все свои способности — силу, ловкость, сметку, зажгло бы их огоньком соревнования. Поход по интересным, красивым местам, организация изучения своего края, соревнование в преодолении трудностей, агитработа с населением — все эти дела, большие и малые, должны быть увязаны руководителем в стройную линию сменяющих друг друга увлекательных перспектив. При организации туристской секции туристы сразу же должны взяться за подготовку большого похода, за проведение семинара, за изучение техники. Только на этом пути можно ожидать успеха при организации работы секции.

Очень много для сплочения туристской секции, а следовательно, и для ведения воспитательной работы может дать правильно построенная подготовка к сдаче норм на значок «Турист СССР».

Особенно интересно и увлекательно изучать технику различных видов туризма. Например, туристы-водники могут овладевать техникой плавания на байдарке по узким речкам, быстринам или учиться проходить через расставленные в русле реки ворота из вешек или буйков, правильно грести, спасать утопающего и т. п. Туристы-горняки могут овладевать техникой переправ (по бревну, вброд, навесной — по веревке над водой), преодоления крутых склонов, применения в походах азимутов и т. п. Велотуристы могут учиться преодолевать узкие лесные тропки, броды, спуски и подъемы и т. п.

Такое овладение техникой, обязательно строго распланированное по принципу перспектив, необходимо проводить в форме занятий с зачетами, во время походов. Это очень сильно увлекает молодежь, создает такую обстановку, когда коллектив туристской секции быстро растет, сплачивается, живет напряженной, бодрой жизнью.

Так же увлекательно надо строить и работу по сдаче норм ГТО, стремясь при этом к овладению физкультурниками спортивной техникой лучших советских мастеров.

В своей инструкторской работе мы стремились подчинить принципу перспективных линий не только занятия по технике походов, но и знакомство с теми замечательными уголками Родины, где располагался туристский лагерь. Перед походом — вступительная беседа о районе путешествия; потом, в середине маршрута, — лекции работников заповедника и экскурсии по его территории. Еще дальше, в самом сердце гор, туристов ждала лекция нашего старшего инструктора-географа, которую он читал на вершине, пользуясь панорамой гор в качестве наглядного пособия.

Лекции и доклады стали необходимой у нас традицией. Часто их делали сами туристы — партийные и научные работники, преподаватели, журналисты.

Занимаясь туризмом, советский человек получает возможность всестороннего духовного и физического развития. Это всегда должен помнить инструктор. Путешествия помогают узнать нашу замечательную Родину, стать еще более активными строителями коммунизма. Во время походов и занятий турист вступает в борьбу с природой, с естественными препятствиями, которые возникают на его пути. Эта борьба бывает физически очень напряженной и потому увлекательной; как и во всех спортивных

соревнованиях, в ней воспитываются замечательные качества советского человека — коллективизм, смелость, решительность.

Создавая коллектив, инструктор должен включить в дело обе эти замечательные стороны советского туризма — возможности духовного и физического развития советского человека.

...Вечер. Над горными вершинами струится голубой лунный свет. Прозвучали в лагере протяжные звуки отбоя. Опустела веранда для танцев, тихо на волейбольной площадке, смолкли песни и разговоры. Туристы разошлись по палаткам. Прошел по лагерным дорожкам инструкторский патруль. Лагерь спит. И только в помещении дежурного горит свет. Здесь собрались инструкторы. Командиры туристских групп обсуждают события прошедшего дня, делятся впечатлениями, советуются, составляют план работы на завтра. С утра снова начнется увлекательная и сложная борьба за создание, укрепление и развитие подлинно советского коллектива туристов.

ТРЕБОВАТЕЛЬНОСТЬ И УВАЖЕНИЕ

В первое время мы, инструкторы, недостаточно отчетливо понимали педагогическое значение атмосферы требовательности. Необходимость такой атмосферы понадобилась прежде всего из соображений чисто технического порядка — для обеспечения полной безопасности занятий и походов в горах.

— С горами не шутят, — говорили нам руководители семинара.

— Помните, с горами не шутят, — в свою очередь обращался инструктор к новичкам на вступительной беседе. — Порядок и организованность — вот что нам нужно. Горы опасны только человеку неопытному, робкому, нерешительному, неумелому. Горы опасны одиночке...

Вот туристская группа в первый раз выходит на занятия далеко от лагеря.

— По порядку номеров рассчитайсь! — командует инструктор.

Расчет не клеится, туристы скучают в строю.

— Отставить! — инструктор не повышает тона, но в голосе его звучат такие нотки, которые заставляют подтянуться даже самых невнимательных.

На этот раз расчет проходит как полагается, хотя инструктор видит, что туристам совсем не ясна причина такой придиричивости со стороны «начальства»: «Ну, подумаешь, сбились в расчете — это ведь не парад и не воинская часть».

— Мы будем рассчитываться по порядку перед каждым выходом на занятия и по возвращении с них, — говорит новичкам инструктор. — Это нужно не для внешнего блеска, а для того, чтобы начальник группы сразу мог определить, сколько людей отправляется на занятия и все ли вернулись в лагерь. Представьте себе, что группа возвращается в лагерь по тропинкам на горных склонах, покрытых густым лесом, в котором совсем нетрудно заблудиться новичку. И вот вам потребовалось поправить носок в ботинке; или вы нечаянно подвернули ногу и не можете дальше идти; или заинтересовались чем-либо по дороге и незаметно для себя отстали от товарищей... Если в группе будет тридцать человек, кто сможет сразу заметить потерю одного туриста? Но расчет поможет немедленно обнаружить отсутствие товарища. Вот почему нельзя путать номера. Эта ошибка может нам дорого обойтись.

Пример убедительный, расчет по порядку номеров получает право на законное существование.

Позднее мы поняли, что атмосфера требовательности (эта атмосфера вовсе не сводится лишь к обязательному расчету по порядку номеров — формы требования определяются целесообразностью) нужна не только для создания обстановки безопасности. Требование к личности в коллективе — это закон жизни коллектива.

Всякий раз, принимая группу новичков, испытываешь одно и то же чувство. Оно тем сильнее, чем больше приходилось работать, чем больше накапливалось опыта. В этом чувстве и особое волнение, и интерес к новым людям, и большая внутренняя собранность. Уже заранее испытываешь к новичкам симпатию и волнуешься, зная, сколько надо сделать, чтобы группа случайно встретившихся людей стала настоящим коллективом.

Как-то один из нас принял группу новичков. Утром инструктор стоял на линейке, ожидая, когда новая группа построится на зарядку.

Туристы собирались на построение медленно. Они не спеша выравнивались на линейке, поживаясь от утренней прохлады.

Время уходило. Зарядка грозила провалиться, вялость и скука сквозили в движениях туристов, в недовольном выражении их заспанных лиц. Инструктор решительно отдал первые команды, стараясь вложить в тон голоса как можно больше бодрости и задора.

В этот момент в правый фланг шеренги врезалось двое опоздавших. Произошла заминка. Это незначительное происшествие, нарушая установленный порядок, грозило загубить начатую зарядку. Инструктор приказал опоздавшим выйти из строя, быстро обдумывая дальнейшие действия. Он видел, что туристы настороженно, с любопытством следят за тем, как молодой руководитель сумеет выйти из создавшегося неприятного положения.

Опоздавшие стояли перед строем. Один из них был уже знаком инструктору. Еще со вчерашней вступительной беседы ему запомнился этот широкоплечий, русоволосый юноша. Звали его Николаем. Он привлек внимание инструктора «вольностью» поведения, резкими репликами, грубоватым юмором. Николая возмущало каждое правило распорядка лагерной жизни, накладывающее хотя бы малейшее ограничение на его «свободу». Он был, видимо, опытным спортсменом, но в его поведении иногда проскальзывало зазнайство.

Чуть отставив правую ногу, заложив одну руку в карман и слегка откинув голову, стоял Николай сейчас перед строем. Всем своим видом он показывал, что зарядка в строю новичков — дело, не заслуживающее серьезного внимания со стороны бывалого физкультурника. Он как бы давал понять, что заранее считает все замечания инструктора несправедливым покушением на его личность и готов оказать немедленное и решительное противодействие. Николай так явно и вызывающе ждал «прозы», что инструктор понял: резкостей говорить не следует. Мало того, даже голоса нельзя повысить — нужно нечто другое, неожиданное для Николая и для всех этих новичков, с любопытством следящих за происходящим.

подавив в себе невольное раздражение, стараясь быть сдержанным и спокойным, инструктор сказал, обращаясь к Николаю:

— Вы, кажется, не знаете, как надо стоять в строю. Я с удовольствием объясню вам. Это совсем не так уж сложно, можете мне поверить...

Начиная эту фразу, инструктор хотел немного съязвить над нарушителем дисциплины. Но первые слова прозвучали как-то уж очень спокойно и поучающе. Получалось обыкновенное объяснение руководителя, искренне убежденного в неумении новичка стоять в строю.

На какую-то долю секунды у инструктора мелькнула мысль, что он говорит не так как нужно сейчас. Но, увидев недоумение на лице Николая, уловив растерянность в его глазах, он понял, что находится на верном пути, найдя что-то нужное в данный момент. В этом убеждало в веселое оживление, пробежавшее по шеренге туристов.

Инструктор начал обстоятельно и терпеливо посвящать Николая в «тайны» того, как стать в положение «смирно». Он подробно говорил о каждой детали, выдерживая все тот же спокойный тон, стараясь, чтобы поучение не превратилось в явную насмешку. Замешательства Николая и тихого смеха в шеренге инструктор сознательно не замечал. И Николай, весь красный, наконец, сдался. Его лихость выглядела сейчас незнанием элементарных вещей. Ему оставалось только принять к сведению все происшедшее. Он

четко произнес слова извинения за себя и товарища и попросил разрешения стать в строй.

Пребывание этой группы туристов в нашем лагере было очень интересным. С первого же занятия они почувствовали, что порядок, организованность обязательны для всех. Любое дело выполнялось дружно, тон бодрости и жизнерадостности царил и на занятиях и в походе. Даже в непогоду в пути слышались смех, песни, шутки. А ведь начало всему этому было положено во время первой зарядки.

Так мы стали понимать педагогическую необходимость атмосферы требовательности в спортивном, туристском коллективе.

Мы убедились, что каждый день работы с людьми таит много ценных и интересных методических находок и что в воспитательной и учебной работе руководителя коллектива «мелочей» нет. Он обязан учитывать каждый свой шаг и повседневно искать новых путей к достижению воспитательных целей. Нельзя допускать, чтобы наши «находки» пропадали.

Но это было только началом нашей школы жизни.

«Требование, высказанное в форме, не допускающей возражения, — говорил А. С. Макаренко, — необходимо на первых порах в каждом коллективе. Я не представляю себе, чтобы можно было дисциплинировать разболтанный, изнервничавшийся коллектив без такого холодного тона требования отдельного организатора. А дальше это идет гораздо легче...». (Макаренко А. С., *Избранные педагогические произведения*, Учпедгиз, 1946, стр. 101)

Нам стало понятно, что формы и степень требовательности всегда должны определяться целесообразностью, например в горах — соображениями безопасности. Всегда очень важно, чтобы члены коллектива понимали целесообразность требования.

«Коллективность... предполагает целесообразность в действии», — говорит М. И. Калинин. (Калинин М.И., *О коммунистическом воспитании и обучении*, АПН РСФСР, 1948, стр. 66.)

Если требовать, не заботясь о целесообразности требования, требовать ради самого факта требования, тогда толку не получится — возникнет скучная обстановка и для инструктора и для людей, с которыми он работает. Форма требования всегда должна определяться целесообразностью. Если целесообразно, например, применение строя, то надо туристов построить. Если же это в данный момент не вызывается необходимостью, то такое неоправданное построение ничего, кроме вреда, не принесет.

Требование, например, точно начать занятия — целесообразно и поэтому должно носить непререкаемый характер. Не менее целесообразно требование проснуться в лагере пораньше, встать всем одновременно, чтобы сохранить больше времени для похода, для занятий; поэтому это требование тоже должно быть очень решительным и для всех обязательным. Требование взаимопомощи в походе сохраняет и увеличивает силы коллектива, воспитывает нужные для советского человека нравственные качества; такое требование целесообразно и должно стать направляющим началом жизни коллектива, т. е. должно очень жестко и последовательно предъявляться к каждому его участнику.

На одной из наших лекций о характере требования к личности, о характере советской дисциплины раздалась такая реплика:

— Вовсе не обязательно требование. Туристы должны самосознанием дойти до мысли о том, что человеку необходимо уважать коллектив...

Товарищ, бросивший эту реплику, основывался на положении о том, что советская дисциплина, в отличие от прежнего понимания дисциплины, есть сознательная дисциплина. Тезис этот совершенно правилен, но следствие выведено из него ошибочно.

«Прежде всего, — говорит А.С. Макаренко, — как нам уже известно, наша дисциплина всегда должна быть дисциплиной сознательной. Как раз в 20-х годах, когда такой широкой

популярностью пользовалась теория свободного воспитания, по крайней мере, тенденция свободного воспитания, тогда эту формулу о сознательной дисциплине расширяли, считали, что дисциплина должна вытекать из сознания. Уже в своем раннем опыте я видел, что такая формулировка может привести только к катастрофе, т. е. убедить человека в том, что он должен соблюдать дисциплину и надеяться, что при помощи такого убеждения он может добиться дисциплины, это значит рисковать 50—60% неуспеха.

Дисциплина должна вытекать из сознания, но определяться сознанием дисциплина не может, так как она является результатом всего воспитательного процесса, а не отдельных специальных мер. Думать, что дисциплины можно добиться при помощи каких-то специальных методов, направленных на создание дисциплины, — ошибка. Дисциплина является продуктом всей суммы воспитательного воздействия, включая сюда и образовательный процесс, и процесс политического образования, и процесс организации характера, и процесс столкновения, конфликтов и разрешение конфликтов в коллективе, в процессе дружбы, и доверия, и всего решительно воспитательного процесса, считая здесь также такие процессы, как процесс физкультурного воспитания, физического развития. и т.д.

Рассчитывать, что дисциплину можно создать только одной проповедью, одними разъяснениями — это значит рассчитывать на результат чрезвычайно слабый.

Таким образом, воспитание дисциплины при помощи рассуждений и убеждения может обратиться только в бесконечные споры. Тем не менее, я первый настаиваю, что наша дисциплина в отличие от старой дисциплины, как явление нравственное и политическое, должна сопровождаться сознанием, т. е. полным пониманием того, что такое дисциплина и для чего она нужна». (*Макаренко А.С., Избранные педагогические сочинения, АПН РСФСР, 1949, книга 4. стр. 34.*)

Жизнь убедила нас в справедливости такой постановки вопроса. Мы уже говорили о необходимости целесообразного требования. Существование этой целесообразности и понимание целесообразности требования членами коллектива как раз и является необходимым элементом сознательной советской дисциплины. Инструктор обязан не только объяснить, но и показать на деле с помощью самой жизни, что его требование или требование коллектива целесообразно. И именно для этого доказательства с помощью самой жизни инструктор или коллектив прежде всего должны требовать.

Дискуссии о дисциплине, взамен самой дисциплины, — это самый плохой путь, на который инструктору никогда не следует вступать. Случается, что люди неподготовленные или малоосведомленные не поступают так, как этого требует от них инструктор, начинают на первых порах возражать и спорить. Эти споры о дисциплине — вовсе не элемент сознания в дисциплине, а элемент дезорганизации, затрудняющий сознательное отношение к дисциплине. Вот почему этот элемент и не допустим в подлинно советской дисциплине. Нужны не душевспасительные беседы и дискуссии о дисциплине, а краткое, четкое объяснение целесообразности и решительное требование инструктора или коллектива к личности, сопровождаемое убеждением посредством фактов самой жизни в необходимости этого требования.

Уже третий год живет коллектив инструкторов по туризму спортивного общества «Искра». Летом наши инструкторы во время своих каникул или отпусков уезжают в туристские лагеря в горы. Но и зимой этот коллектив продолжает жить, вбирая в себя новичков, воспитывая их.

Наши инструкторы работают на предприятиях, учатся в институтах, собираясь вместе для проведения учебных походов в выходной день и вечерних сборов. Работа ведется в тех формах, в каких она обычно протекает в физкультурном коллективе предприятия, в спортивной секции.

Нам всегда помогало точное понимание того, что укрепляет, развивает наш коллектив, в чем «секрет» успеха его деятельности. Мы начинали с требования руководителя и самого коллектива к участникам коллектива, требования, четко сформулированного и логически

последовательного. И затем мы всегда стремились поддерживать созданную с самого начала атмосферу требовательности.

Мы сразу устанавливали: первый же пропуск занятий без уважительной причины, то есть не оправданный официальной справкой, влечет за собой исключение из семинара. Опоздания, невыполнение задания и распоряжений наказываются. Занятия должны начинаться точно минута в минуту...

Первое наше занятие, казалось, не обещало ничего хорошего. Мы должны были выехать за город и на склоне оврага, засыпанного снегом, научиться владеть палкой для страховки во время спусков, подъемов, траверсов склона. Было приказано: за город всем явиться с лыжными палками, однако почти все приехали без них. Руководитель семинара был обижен и возмущен. Но что он мог сейчас сделать? Вынести всем взыскание?

Нет, это был бы неправильный путь. Он сделал вид, что не заметил нарушения приказа. Надо было, чтобы люди сами поняли, к чему ведет недисциплинированность. Руководитель спокойно распорядился, чтобы командиры отделений обеспечили людей палками.

Не так-то легко оказалось выполнить это новое распоряжение. Надо было достать топоры, отправиться в лес и нарубить необходимое количество высохших, не нужных дереву сучьев. Но другого пути не было: каждый понимал, что без палок занятия не начнутся.

Много времени было потеряно. Занятия все-таки состоялись. Строго и четко организованные, они вызвали общий интерес, помогли людям сдружиться. В конце занятий руководитель сказал:

— Мы потеряли два часа из-за общей неорганизованности. Больше этого не должно быть. Теперь всякий пришедший без палок или без другого нужного снаряжения к занятиям не будет допущен. Даже если все тридцать участников придут без снаряжения, они отправятся домой. Буду заниматься только с теми, кто дисциплинирован, пусть их окажется всего десять, пусть пять. Иначе наш семинар перестанет быть семинаром и превратится в группу случайно и без всякой цели встречающихся людей...

В результате дальнейшие занятия шли с большим интересом и полным единодушием. Не будь такого решительного требования во всем в каждой мелочи, наш семинар неминуемо рассыпался бы. К концу зимы коллектив инструкторов сплачивался очень крепко, его участники глубоко ценили значение этого четко, строго, иногда жестко требовавшего, но очень интересного коллектива.

Как часто бывает, что тренировки на стадионе по подготовке к сдаче норм ГТО, занятия на волейбольной площадке и футбольном поле, в бассейне для плавания или на лыжне срываются или превращаются в скучное, никого не увлекающее дело именно потому, что с самого начала тренер, инструктор безразлично отнесся к своим чисто педагогическим обязанностям, «пошел навстречу» кому-то, не заметил опоздавших или сам опоздал, «простил» нарушителям порядка и дисциплины их проступки. А потом сам инструктор удивляется: почему нет интереса к занятиям, почему все так неорганизованно получается.

В прошлом году одному из наших инструкторов было поручено руководить лыжным туристским походом II категории трудности. Сложность похода требовала тщательного подбора участников. Поэтому группа была составлена из лучших лыжников. С такими людьми можно было смело решать самые сложные и трудные задачи.

Инструктор — начальник похода — понимал это. Но, понадеявшись на хороший состав группы, он решил не прилагать особых усилий к поддержанию в ней порядка, дисциплины, к тому, чтобы создать атмосферу требовательности.

«Люди идут опытные, сильные, в походах бывали не раз. Стоит ли заниматься мелочами и требовать выполнения элементарных вещей? Сами должны понимать», — так рассуждал инструктор.

Но первые же дни похода показали ошибочность такого мнения. Отсутствие требовательности не замедлило сказаться. Участники похода стали невнимательно относиться к своим обязанностям. Начались мелкие, но досадные нарушения дисциплины.

По утрам затягивались сборы, группа выходила в путь с опозданием. Чтобы уложиться в срок и пройти намеченное на день расстояние, приходилось идти в темноте за счет отдыха и она. Это повлекло за собой утомление лыжников, понижение сопротивляемости организма. Усталые люди перестали следить за состоянием снаряжения, и особенно обуви — важнейшего вида снаряжения в зимнем туристском походе.

В результате после одного из особенно напряженных ночных "бросков" трех лыжников пришлось снять с маршрута с признаками обморожения ног.

Конечно, такой поход нельзя было считать удачным, несмотря на то, что остальные его участники дошли до конца маршрута более или менее благополучно. И виноват в этой неудаче был прежде всего руководитель, упустивший такой важный фактор, как создание в группе атмосферы требовательности.

Отсутствие требовательности — это начало распада коллектива. Там, где нет требования (руководителя и всего коллектива) к личности, — там нет коллектива или он обречен на распад.

Серьезное отношение к каждому, даже мелкому и как будто незначительному нарушению установленного порядка обеспечивает уважение новичков к режиму, внушает уверенность в важности и значительности каждого требования. Без требования занятие становится не интересным — об этом всегда должен помнить инструктор, тренер.

Требование подтягивает, сплачивает группу и в первые дни создания коллектива и в дальнейшем, когда соблюдение правил станет привычным и необходимым в сознании самих туристов. Требовательность помогает инструктору в его работе.

Необходимо оговориться, что требование четкого и быстрого выполнения лагерного распорядка и строгого соблюдения дисциплины ни в коем случае не должно сводиться к чтению бесконечных моралей, не влекущих за собой никаких практических последствий. Недопустимо также подменять строгую и вдумчивую воспитательную работу грубым покрикиванием, мелкой и нудной придирчивостью. Не окрик, а требование, обоснованное, не допускающее возражений, нужно в воспитательной работе. Обоснованность требования всегда должна быть разъяснена и доказана самим ходом событий.

Если почему-либо не удалось создать такую обстановку, при которой членам коллектива ясна целесообразность требования, то лучше этого требования вообще не предъявлять, хотя бы оно и было оправданным и целесообразным. В противном случае энергия коллектива не сольется с энергией руководителя в общем стремлении преодолеть препятствие, а, наоборот, будет противодействовать энергии руководителя. Это ослабит и коллектив и руководителя.

Трудно, например, настаивать на выполнении требования в том случае, если коллектив руководителей не объединяет свои действия в едином требовании, в единой атмосфере требовательности. Несогласованные, противоречивые требования ничего хорошего не дадут коллективу — он изнервничается и потеряет веру в руководителей.

Одному из нас пришлось некоторое время работать на семинаре, готовящем руководителей туристских секций. Привычной для нас атмосферы требовательности на этом семинаре организовано не было. И когда наш товарищ попытался вести свою работу так, как обычно работали мы в своих секциях, ему пришлось совершенно неожиданно встретить резкое противодействие коллектива семинара. Те методы и принципы, которые в наших условиях приносили замечательные результаты, здесь ничего, кроме неприязненного отношения, не вызывали. Причиной этого была неосознанная коллективом целесообразность предъявленных требований в результате несогласованности действий инструкторского состава.

Требование должно совмещаться с уважением к человеку — это один из важнейших принципов А.С. Макаренко. Это положение было в основе и нашей работы, нашим девизом,

всегда приносившим замечательные результаты.

...Новичок-турист Гриша Н., скорбно собрав морщины на лбу, говорил:

— Я устаю в походе от такого темпа. Понимаете, не могу идти... Медленный темп выматывает мне душу...

Расположившись в инструкторской туристского лагеря, стены которой были увешаны веревками, ледорубами, множеством красочных походных листков, мы разбирали это досадное происшествие на вашем учебном туристском маршруте.

Гриша, нарушая все правила в походе, отставал от своей группы, сидел на камень и, дождавшись пока люди отойдут с полкилометра, пускался вдогонку ускоренным темпом. Затем все повторялось сначала.

И вот, едва прибыв вечером на центральную базу маршрута в крохотный горный поселок Гузерипль, он был вызван в инструкторскую. Мы были твердо убеждены, что нарушение Гришей важного правила в походе — не отставать от товарищей — привело его не только к «технической» ошибке. Главная беда была более значительной, чем просто невыполнение правила: юноша поссорился с коллективом, не желал с ним считаться.

В группе новичков всегда есть и сильные и слабые физически туристы. Если человек держится особняком, думает только о себе, то ему, действительно, будет скучно идти темпом более слабого. Такие туристы бывали в наших группах.

Но в большинстве случаев сильные не скучали: они облегчали груз более слабым, выполняли дополнительные обязанности. Как раз такое поведение и сплачивает людей в дружный коллектив.

Гриша не понимал этого, не умел найти своего места в коллективе.

Так в горах не ходят. Надо было принять какие-то срочные меры.

— Я боксер, понимаете? — говорил Гриша. — Не могу двигаться таким темпом...

Он смотрел на нас каким-то туманным взглядом, всем своим видом показывая, что он и в самом деле «измотался» от недостаточной нагрузки. Украдкой он поглядывал на снаряжение, живописно развешанное по стенам, на походные листки, плакаты с текстами туристских песен.

Мы не даром потратили так много сил на создание этого центра лагеря. Отсюда направлялась вся учебная деятельность. Сюда невольно тянулись наши туристы: выпускали стенгазеты, изучали маршрут, решали текущие дела. Это очень важно: иметь в спортивном лагере притягательный для всех, организующий центр. Летом 1950 года на трехдневном слете туристов и альпинистов спортивного общества «Искра» на берегу реки Хостинки, где собралось около 600 человек, мы организовали подобный же центр под двумя тентами. Здесь были сделаны столы из драни, выпускались стенгазеты, постоянно дежурил член штаба. Здесь решались все организационные вопросы слета.

Разглядывая деятельный, оживленный штаб маршрута, Гриша, наверное, начал понимать, что у нас царит тон бодрости, подтянутости, требовательности.

О чем же нужно было сейчас говорить с Гришей? Объяснить ему, что в туристском походе равняются всегда по более слабым?.. Но это Грише уже сказал его инструктор. Утешить его, говоря: «Что поделаешь, раз вы попали в группу туристов, где есть слабые... Придется вам потерпеть. Ведь нет коллектива, нет туристской группы, где не было бы более слабых. В основе коллектива лежит принцип взаимопомощи...»?

В данном случае меньше всего нужны были разговоры. Следовало поставить Гришу в такие условия, когда сама жизнь помогла бы ему найти его место в коллективе. Надо было поставить Гришу в обстановку, в которой он ощутил бы и очень жесткое и определенное требование и большое уважение к себе.

Выслушав все, что мог сказать Гриша, дав ему оглядеться в инструкторской и понять, что он попал в самое сердце маршрута, старший инструктор сказал:

— Теперь слушайте: вам придется участвовать завтра во всех занятиях; забыть ваши неумные песенки, в которых альпинисты сравниваются с «тягачами». Если это вас не

устраивает, мы освободим вас от всего. Живите, как нравится, но не мешайте нам.

— Даже альпинистские песни не петь?

— Альпинистские можно, а пошлые — нет. Здесь серьезно относятся к песне. Песня должна организовывать людей, звать их на борьбу.

Когда Гриша удалился, инструктор Володя Овчинников покачал головой:

— Да какой же из него боксер? Вы заметили, как он растолстел?

— От бездумной жизни, — усмехнулся кто-то. Володя руководил в институте спортивной секцией; он всегда с интересом относился к воспитательной стороне физкультурной работы, презирал застой, успокоенность.

— Ну что же, завтра мы за него возьмемся, — с затаенной радостью сказал Володя, — у нас этот Гриша снова станет боксером...

И мы поняли, что в душе Володи поднимается хорошо знакомое нам чувство. Он стремился поскорее вступить в борьбу за все самое красивое в человеке: организованность, коллективизм, чувство товарищества. Всегда мы испытывали радость от сознания, что в сложной и трудной обстановке горного похода в туристах с особой яркостью расцветали эти замечательные качества советского человека.

Утром начались занятия по переправе вброд. Туристы должны были научиться побеждать горную реку. Захватив веревки, стальные кольца-карабины, палки, мы вышли на каменистую отмель стремительной Белой. Недавно в верховьях прошли дожди; вода реки утратила зеленоватый оттенок, мутные пенистые валы бурлили у наших ног.

— Сила падающей воды — огромна, — сказал Володя Овчинников туристам, — мы не всегда отдаем себе отчет в этом. Вспомните: многие наши электростанции-гиганты приводятся в действие этой силой... Сейчас мы начнем борьбу с горной рекой. Тогда вы сами поймете до конца, как велика эта сила природы и как много надо знать для ее преодоления... Кто пойдет в реку первым?

Гриша тотчас поднялся с камня, на котором сидел.

— Я готов, — сказал он. Володя кивнул:

— Очень хорошо.

Гриша надел штормовой костюм. Володя встал на страховку, взяв в руки веревку, на другом конце которой был привязан переправляющийся.

Сегодня очень резко изменилось отношение Володи к этому туристу: в тоне инструктора не было ни иронии, ни осуждения. Володя сказал Грише несколько ободряющих слов. И не рев бушующей реки, а вот эта серьезность и дружественность в тоне инструктора, эти спокойные, негромко сказанные слова показали Грише, как, в самом деле, ответственно испытание.

— Я могу приказать человеку идти в воду только в том случае, если верю ему, уважаю его, — серьезно сказал Володя. — Вы поступили смело, вызвавшись идти в реку первым, и это пробуждает уважение к вам. В нашем требовании к человеку заключено уважение к нему... Помните это, когда войдете в реку. Кстати, будьте осторожнее: на дне крупные камни...

Гриша кивнул в ответ и взял в руки палку. В этот момент у реки нам, инструкторам, как-то особенно ошутим стал глубокий смысл слов великого советского педагога А.С. Макаренко, начерченных на красном полотнище на- веранде в вашем лагере; Как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему — я убежден что эта формула есть формула вообще советской дисциплины, есть формула вообще нашего общества...» (Макаренко А.С., *Избранные педагогические произведения*, Учпедгиз, 1946, стр. 98).

Гриша шагнул в воду. Он не смотрел на нас. Его чуть прищуренные глаза изучающе оглядывали кипевшую в стремительном беге реку. И все-таки все мы чувствовали, что сейчас его связывает с нами не только веревка, но и какие-то невидимые и во много раз более прочные, чем веревка, нити. Он знал, что мы верим ему, а чувство доверия всегда умножает

силы.

Гриша осторожно вошел по пояс в реку. Мутный вал ударился в его плечо. Он напрягал всю свою силу, упираясь в дно палкой. Отсюда он не мог сделать ни шага дальше. Потом Гриша все-таки сделал шаг вперед. Вода подхватила его и понесла вниз. Мы с Володей откинулись назад, упершись ногами в камни, и выдержали его из потока.

— Где палка? — спросил Володя.

Гриша, тяжело дыша, пожал мокрыми округлыми плечами и оглянулся на реку: палка ныряла в волнах далеко внизу.

— Можно еще? — спросил он смело.

— Можно, — сказал Володя, — теперь попытайтесь вплавь...

Гриша был хорошим пловцом, но река после дождей разбушевалась не на шутку. Ему удалось доплыть только до середины, и мы вновь вынуждены были подтащить его к берегу. Он лежал в воде на спине, пока мы тянули его за веревки, и встал у самой отмели. Губы его были плотно сжаты.

— Разрешите еще? — ожесточенно спросил он.

— Нет, — твердо сказал Володя, — на сегодня хватит.

— Есть, — сказал Гриша, — что дальше?

— Дальше переодевайтесь. Будете помогать нам всем наводить навесную переправу по веревке над водой...

Весь день Гриша вместе с остальными товарищами по походу горячо трудился, овладевая техникой сложной переправы. И туристы, пожалуй впервые за все это время, стали с уважением относиться к нему.

— Вот теперь, — негромко сказал нам Володя во время занятий, улыбаясь ясной, хорошей улыбкой, — мы с Гришей, кажется, поняли друг друга. Если у него и дальше так пойдет, он снова станет боксером...

После занятия по переправе отношения между людьми в туристской группе как-то незаметно начали меняться, туристы стали дружнее, интереснее, ярче. До того не знакомые друг с другом, они зажили какой-то иной жизнью: группа случайно встретившихся людей превращалась в дружный крепкий коллектив. И, наблюдая это замечательное превращение, мы вспоминали слова А.С. Макаренко: как можно больше требования к человеку и как можно больше уважения к нему...

А.С. Макаренко очень точно и глубоко разработал сочетание требования и уважения в работе педагога. Он говорил, что требование к личности и уважение к ней не две разные вещи, а одно и то же. Наши требования, предъявляемые к личности, выражают уважение к ее силам и возможностям и в нашем уважении предъявляются в то же самое время и требования к личности. Эта замечательная мысль глубоко правдива.

— Я с уважением отношусь к вам, — говорил инструктор туристам, — следовательно, внутренне как бы требую от вас четкости во время наших занятий, хорошего отношения к товарищам, бодрого тона...

Однажды по просьбе Дома пионеров Первомайского района Москвы мы уехали за город с группой в 50 пионервожатых. Мы должны были научить их туризму. Во время лекции о воспитательной работе с туристами инструктор начал разбирать вопрос о том, что такое требование и почему требование к личности есть в то же время и уважение к ней. Инструктор говорил:

— Представьте себе, что вы дружите с человеком. Это значит, что вы уважаете его. И вдруг этот человек совершил какой-либо тяжелый проступок, например, обманул коллектив. Вы с ним уже дружить не станете...

В этом месте беседы один из пионервожатых заявил:

— Ничего подобного, а я с ним буду дружить... Буду дружить, чтобы перевоспитать.

Одна из девушек заметила:

— Надо еще разобраться, что за проступок и как он совершен... Может быть, и в самом

деле надо дружить, чтобы перевоспитать.

Сзади послышался басок:

— Какая дружба с таким обманщиком? Хорош друг...

Инструктор ответил:

— Мы слышали сейчас как будто две противоположные точки зрения. Но в них есть и общее, что вы пока еще не замечаете. Тот из вас, кто собирается, разобравшись в проступке своего товарища, дружить с ним, сделает это, чтобы перевоспитать его, то есть, иными словами, будет требовать от провинившегося хорошего поведения. Значит, он хочет провинившегося уважать, но в то же время и требовать от него.

Товарищ, который здесь высказал противоположную точку зрения, в сущности говоря, стоит на той же принципиальной позиции: если он с кем-либо дружит, то этим как бы внутренне требует: «Будь настоящим советским человеком, иначе — дружбе конец».

Советские люди предъявляют очень большие требования к самим себе. Именно эта особенность нашей жизни и поднимает на большую нравственную высоту достоинство советского человека. Каждый из нас должен быть передовым борцом за дело коммунизма, передовым борцом за дело мира во всем мире. В этом требовании заключено и величайшее уважение к советскому человеку, к его силам и возможностям.

Какую цель преследует требование при создании коллектива, на что оно должно быть направлено?

Во-первых, оно раскрывает перед людьми серьезность и необходимость стоящих перед ними задач, сплачивает и направляет начинающий организовываться коллектив на нужный путь.

Во-вторых, оно дает возможность руководителю коллектива с самого начала приступить к созданию духа коллективности в группе новичков.

Вопрос: что требовать? — спрашивает А.С. Макаренко и отвечает так: «...я предложил бы такую форму, которая даже, пожалуй, не развивается, а должна быть всегда одна и та же. Прежде всего единственное, что нужно требовать — это подчинения коллективу» (Макаренко А.С., *Избранные педагогические произведения*, Учпедгиз, 1946, стр. 103.)

Это очень точная мысль.

Однажды нам предстояло с группой туристов, в которой инструктор добился организованного, четкого действия коллектива, подняться на крутую морену ледника, сложенную из мелких, непрочно лежащих камней. Подъем был сложен, сопряжен с опасностью падения камней в случае неосторожного движения или неосмотрительности. Инструктор отвечал за все последствия. Он сказал туристам примерно вот что:

— Подъем труден и опасен. Если бы я не верил кому-то из вас, не уважал кого-либо, то не приказал бы этим людям идти вверх. Я бы им сказал: подождите на лужайке, пока мы вернемся с ледника. Но я верю каждому из вас, и поэтому вверх пойдут все. Мы все научились подчиняться требованиям коллектива, а здесь эти требования выражаются очень жестко и очень определенно...

И инструктор принялся подробно излагать технику движения по осыпи. Надо идти прямо вверх, возможно ближе друг к другу. Если кто-то стронул камень, то идущий сзади обязан задержать его немедленно, любой ценой, чего бы это ему ни стоило, потому что через шесть-семь метров падающий камень уже никто не в силах будет остановить. Камень превратится в снаряд.

— Заметьте, — сказал инструктор, — вы должны задержать камень не потому, что он грозит лично вам — для вас он безопасен, а потому, что он может сбить ниже идущего товарища. Значит, *вы* действуете для благополучия товарища, и в целом — всего коллектива. То есть, вы выполняете железное, совершенно обязательное требование коллектива. В

данном случае перед нами наглядное, убедительное сочетание принципа требования и уважения, принципа подчинения своего, личного, интересам коллектива, совпадение интересов личности с интересами, с требованием коллектива...

Туристы двинулись вверх. Прекратились шутки и смех. Внимание всех было приковано к поведению выше идущего, к собственным действиям. Всякий стронутый камень задерживался молниеносно.

Когда опасность миновала и туристы вновь — в который уже раз — почувствовали себя победителями, инструктор усадил всех на теплые, нагретые солнцем камни по соседству с вечными льдами и началась увлекательная лекция об образовании морен, одну из которых только что преодолели туристы, о возникновении и умирании ледников, о достижениях советской науки, раскрывающей законы жизни гор, и о смелости и бесстрашии советских людей, источником силы которых является коллективизм во всех областях общественной и личной жизни.

Подъем был прекрасным уроком подчинения личности требованиям коллектива и руководителя. В этом подчинении требованию не было ничего тягостного для личности. И инструктор должен помнить об этой особенности требования. Жесткость, требовательность руководителя вовсе не означает скуку и уныние для членов коллектива. В жизни получается как раз наоборот: там, где существует здоровая атмосфера требовательности, интереснее жить и всему физкультурному коллективу в целом и каждому его члену.

Однажды у нас в лагере одна из вновь организованных групп с самого начала оказалась очень недисциплинированной. Из двадцати пяти человек на занятие пришло всего пять. Инструктор сказал этим пяти туристам, что занятия начнет только тогда, когда соберутся все участники группы. Вскоре все действительно собрались: они пришли в четком строю, и инструктор был умилен этой внешней видимостью порядка.

Отправились на занятие. Но тут на пути повстречался фотограф. «Вот бы вам на водопад Шумку,—посоветовал он. — Я бы там вас начал фотографировать. А то собрались куда-то в гору...» За спиной инструктора сейчас же начался ропот: «Все инструкторы водят на Шумку, а этот тащит куда-то вверх...» Но инструктор шел вперед, делая вид, что ничего не слышит.

Неожиданно группа попала в заросли малины. Настроение туристов сразу изменилось в пользу инструктора:

«Вот это инструктор, вот это молодец!» Инструктор почувствовал, что туристы дальше не пойдут, пока не будет съедена вся малина. Он сел на камень и принялся терпеливо ждать.

Все события, начиная с неявки на сбор и кончая увлечением малиной, задерживавшим начало занятия, показывали, что группа еще не может называться настоящим коллективом, что она не попадала до этого времени в такие условия, которые помогли бы ей сплотиться. Инструктор решил поставить туристов в обстановку требования коллектива к личности: предложил подняться на 150 метров по осыпи к дикому и красивому водопаду. Он объяснил, как надо вести себя на осыпи, и научил технике движения вверх.

Начался подъем, и туристы сразу попали в обстановку железного требования коллектива к личности. Было ли участникам этой группы, которые внизу не имели никакого желания вести себя организованно, в тягость такое требование? Ничего подобного!

Вот громыхнул камень. Один из туристов — совсем еще юноша — тут же остановил его. Инструктор торжественно объявил ему благодарность. И все по-настоящему переживали красоту поступка юноши, его способность действовать в интересах всего коллектива. Вот именно там, на подъеме, для всех стала понятной, осязаемой организующая сила коллектива, эстетика организованности и дисциплины, помогающих преодолевать препятствия. Несомненно, что данная реальная обстановка создавала условия для духовного развития, обогащения личности советского человека.

Настолько увлекательна, захватывающа была обстановка коллективного преодоления трудного препятствия, что когда добрались до верха, то инструктор почувствовал совсем

иной тон среди туристов: они воспринимали все окружающее с новым, повышенным интересом. Группа случайно встретившихся в лагере людей стала постепенно превращаться в коллектив.

Правильно организованное требование коллектива к личности в подавляющем большинстве случаев не создает «трагического» конфликта. Это—логика нашей советской жизни.

Приведем здесь интересные мысли А.С. Макаренко о личности в коллективе. Эти мысли крупнейшего теоретика советской педагогики помогут инструктору продуманно относиться к своей деятельности, от случайных педагогических «находок» перейти к точному расчету. Нас они заставляли непрерывно размышлять над нашей деятельностью, анализировать свои поступки.

«В коллективе зависимости страшно сложные, — говорит А.С. Макаренко, — каждая отдельная личность должна согласовывать свои личные стремления с стремлениями других: во-первых, целого коллектива, во-вторых, своего первичного коллектива, ближайшей группы, — должна согласовывать так, чтобы личные цели не делались антагонистичными по отношению к общим целям. Следовательно, общие цели должны определять и мои личные цели. Эта гармония общих и личных целей является характером советского общества. Для меня общие цели являются не только главными, доминирующими, но и связанными с моими личными целями...» (Макаренко А. С., *Избранные педагогические произведения*, Учпедгиз. 1946, стр. 146).

«Коллектив — это есть целеустремленный комплекс личностей, организованных, обладающих органами коллектива. А там, где есть организация коллектива, там есть органы коллектива, и вопрос отношения товарища к товарищу — это не вопрос дружбы, не вопрос любви, не вопрос соседства, а это вопрос ответственной зависимости. Даже если товарищи находятся в равных условиях, идут рядом в одной шеренге, исполняя приблизительно одинаковые функции, коллектив связывается не просто дружбой, а связывается общей ответственностью в работе, общим участием в работе коллектива...»

Товарищ должен уметь подчиняться товарищу, не просто подчиняться, а уметь подчиняться.

И товарищ должен уметь приказывать товарищу, то есть поручить ему и потребовать от него определенных функций и ответственности.

Такое умение подчиняться товарищу — причем это не подчинение богатству, и не подчинение силе, и не подчинение в порядке милостыни или подачки, а подчинение равноправных членов коллектива, — это чрезвычайно трудные задачи не только для детского общества, но и для взрослых. Если еще остались пережитки старого, то все они умещаются в этом самом месте...» (Макаренко А. С., *Избранные педагогические произведения*, Учпедгиз. 1946, стр. 147).

Вскоре мы поняли и еще одну истину: инструктору надо очень умело пользоваться правом и необходимостью требовать. Далеко не во всяком требовании обязательно, так сказать автоматически, заключается уважение. Надо уметь так требовать, чтобы в требовании было в то же время и уважение.

Может случиться, что коллектив почему-либо окажется не в состоянии увидеть в требовании руководителя уважения, даже если сочетание требования с уважением имеет место.

Поэтому необходимо с большой внимательностью подходить к каждому своему действию, стремиться создать такую обстановку, выбрать такой момент, когда сочетание требования руководителя с уважением стало бы ясно коллективу, было бы доказано жизнью и, следовательно, получило бы полную поддержку коллектива.

Для инструктора научиться этому — значит подняться на более высокую ступень педагогического умения.

Мы всегда стремились соединить атмосферу требовательности с обстановкой

приподнятого, торжественного тона, обстановкой не только внутренней, но и внешней красоты человеческих отношений.

Это, во-первых, очень помогало нам добиться того, что атмосфера требовательности становилась закономерной и необходимой для туристов. Они быстро убеждались, что наши требования всегда сочетаются с уважением. Во-вторых, это повышало педагогическое умение нашего инструкторского коллектива. Молодые инструкторы, начинавшие работу на маршруте, естественно, прежде всего усваивали внешнюю эстетику атмосферы требовательности, и это облегчало им дальнейшую работу.

Ведь не даром так важна парадность, торжественность на спортивных соревнованиях — от самых ответственных до рядовых соревнований по сдаче норм комплекса ГТО, разрядных норм. В этих нормах спортсменам предъявляются высокие требования, но в этих требованиях в то же время заключено и уважение. Обстановка парадности и торжественности подчеркивает уважение, а это всегда умножает силы человека.

Соединение требования с уважением, четкости, порядка с красотой и торжественностью рождает чистое, мужественное, прекрасное в отношениях между людьми.

Когда мы создавали в туристских походах, на занятиях несколько суровую, но и красивую в то же время атмосферу четкости, порядка, требовательности, нам думалось только о том, что в горах, где неверный шаг опасен, это необходимо для безаварийности. Мы и не предполагали, что такая атмосфера вызовет к жизни замечательные традиции взаимопомощи, дружеских встреч и проводов. И когда туристы не только приняли эти традиции, но и стали их укреплять и развивать, мы поняли, какой правильный путь избрали. Это было нашим очередным «открытием».

Эти традиции выросли из наших форм воспитательной работы и не могли бы появиться, если бы не было общего стремления к воспитанию дисциплины. Это еще и еще раз показало нам, что воспитание дисциплины делает жизнь коллектива богаче, красочнее, ярче, помогает расцвету талантов, способностей всех его участников.

ДИСЦИПЛИНА НАСТУПЛЕНИЯ

Требование к человеку как выражение доверия, уважения к нему - это и есть основа советской дисциплины.

Существующий же до сих пор кое у кого взгляд на дисциплину как на нечто несовместимое с уважением к личности, как на нечто оковывающее, принижающее, стесняющее человека представляет собой проявление буржуазной идеологии.

Советская дисциплина облагораживает человека, делает его красивым и внешне и духовно.

В одном из наших походов участвовал Юра М. Он с предубежденностью относился к режиму похода - необходимости рано вместе со всеми проснуться, лечь спать по сигналу, стать в строй перед зарядкой... Все это представилось юноше необычайно тягостным. Казалось, что ему тяжело принять положение "смирно"; величайшая скука и уныние отражались на его лице, когда он должен был занять свое место в шеренге туристов.

Особенно отчетливо поэтому запомнился мам тот момент, когда юноша впервые сам стал в положение "смирно".

Однажды инструктор распорядился, чтобы Юра принес дров для костра. Это произошло в отдаленном от населенных пунктов походном лагере, разбитом нами в глухой долине по соседству с вечными льдами и снегом. Туристы к этому времени почувствовали красоту и правдивость четких, требовательных отношений, складывавшихся между людьми в длительном походе.

Юра принес дров, разыскал старшего инструктора, хотя распоряжение о дровах исходило от инструктора группы, вытянулся перед ним и отрапортовал по всем правилам:

"Товарищ старший инструктор, распоряжение доставить дрова выполнено".

Никто не требовал от Юры такого ритуала, он сам считал его для себя необходимым. Старший инструктор был удивлен: зачем ему рапортуяют о дровах. Но, взглянув на Юру, он понял, что происходит в душе юноши, встал и так же торжественно, как Юра, сказал: "Благодарю вас. Можете быть свободны..."

Это "перерождение" было чрезвычайно логично. Атмосфера требовательности, четкости, внешняя подтянутость инструкторов показали новичку, как украшает человека дисциплина, и ему захотелось стать таким же красивым, как и все.

В своих теоретических работах А.С. Макаренко подчеркивает, что дисциплина это не только средство воспитания. Тот, кто понимает дисциплину только как средство, может наделать ошибок, искажающих существо советской дисциплины. А.С. Макаренко справедливо указывает, что дисциплина - это прежде всего цель воспитания, его результат. Дисциплина, самодисциплина человека и коллектива - это показателя высокой организованности, высокой степени развития коллектива, это результат всесторонней воспитательной работы.

Если представлять себе дисциплину только как средство воспитания, неминуемо начнется требование соблюдения элементов дисциплины ради формы, подмена всесторонней воспитательной работы командами ради командования, соблюдением режима ради режима. Это ошибочный и порочный путь. Даже там, где будут предъявляться, казалось бы, справедливые требования к людям, которые не поняли необходимости этих требований, - ничего, кроме ошибок и неудач, выйти не может. Вспомним, что А.С. Макаренко особенно требовательно относился к активистам и часто говорил новичкам: "Ты еще не достоин того, чтобы тебя наказывать!"

Только потом, позднее, в организованном коллективе дисциплина становится средством воспитания.

В одной из своих работ по вопросам коммунистического воспитания М.И. Калинин подчеркивал, что чувство дисциплины в социалистическом обществе вытекает из качеств, которые это общество воспитывает в новом человеке, - из советского патриотизма, честности, храбрости, товарищеской спайки, любви к труду.

Вот приезжают к нам на туристский маршрут учителя, студенты, служащие. Они не знают обстановки гор, не знакомы с нашими принципами и идеями, которые мы последовательно стремимся осуществить с самого начала 120-километрового пути. Установленный нами режим многим кажется вздорным, наши правила - ненужными, дисциплина - скучной.

Молодой инструктор, встретившись с таким отношением к его искренности и принципиальности, нередко возмущается: "Что за люди приехали?"

Но ведь мы знаем, что ждет туристов впереди, мы влюблены в горы и в то же время понимаем, как они опасны, если нет дисциплины. А туристы пока ничего этого не знают: у многих, кроме того, имеется предубеждение против некоторых наших норм поведения, иногда даже против дисциплины, которую кое-кто из них все еще понимает только как запрет, как ограничение.

Начинается процесс воспитания нужной в горах дисциплины. Он начинался у нас на скалах. Там во время занятий сразу многое становится понятным в предлагаемых нами нормах поведения, в режиме, в отношениях между людьми. Да, дисциплина - это наша цель! Мы ищем пути к этой цели. Иногда они сложны и тернисты, эти пути.

Проходит несколько дней. Группа туристов совершает свой первый двухдневный поход в 50 километров и попадает в горы на центральную базу маршрута в Гузерипль. Здесь еще находится предыдущая группа. Ее участники уже многое поняли в горах, разобрались в том, что дисциплина не мешает, а помогает сделать интересным и занятие, и поход, да и всю жизнь в горах. Они гордятся быстротой утреннего подъема, оживленностью зарядки, внешней подтянутостью. Они готовят торжественную встречу новичкам и стремятся

блеснуть перед ними всеми своими достижениями.

И вот, когда новички приходят сюда и вместо скучной очереди около окошечка диспетчера, как это бывает на начальной базе маршрута, их встречает красивый марш, букеты цветов, аплодисменты, и вся эта четкая, бодрая жизнь, дисциплина становится не только целью нашей педагогической деятельности. Она становится в этих условиях также в какой-то мере и средством воспитания.

Но это уже последующая ступенька.

На первых же шагах мы относились к дисциплине как цели нашей воспитательной работы.

Какими же путями инструктор идет к своей воспитательной цели - созданию дисциплины в коллективе? Какие средства в его распоряжении для достижения этой цели?

Вся обстановка спортивных занятий, туристского похода, альпинистского лагеря, физкультурного коллектива, режим, атмосфера требовательности и уважения к человеку. Тон бодрости и жизнерадостности - все это должно воспитывать дисциплину.

Что же такое дисциплина, как мы ее понимаем в нашей инструкторской деятельности?

Иногда говорят: стать в строй перед зарядкой или началом занятий, в назначенный час прийти в лагерь на обед, во-время начать и кончить занятия, - это и есть дисциплина.

Не совсем так. Это режим, то есть система средств, которые помогают воспитывать.

Дисциплина же - это "нечто гораздо более значительное, пронизывающее каждый шаг, каждую мысль человека, будь он на виду у коллектива или оказался он один на один с самим собою. Дисциплина - это прежде всего результат воспитания.

Мысли А.С. Макаренко о природе советской дисциплины всегда помогали нам, инструкторам, в достижении воспитательных целей. "Дисциплина в нашем обществе, - говорит А.С. Макаренко. - это явление нравственное и политическое... В нашем обществе недисциплинированность, недисциплинированный человек - это человек, выступающий против общества, и такого человека мы рассматриваем не только с точки зрения внешнего технического удобства, но и с точки зрения политической и нравственной. Такую точку зрения на дисциплину я считаю необходимым иметь каждому педагогу, но это только тогда, когда дисциплина рассматривается как результат воспитания..." (Макаренко А.С., Избранные педагогические произведения, Учпедгиз, 1946, стр. 87-88).

В свете этих высказываний становится ясным, что дисциплину с помощью одного только железного режима или одних только убеждений не построишь. Дисциплина создается всем комплексом воспитательного и прежде всего политического воздействия. Поэтому огромное значение имеет партийное, комсомольское влияние в коллективах физкультурников, влияние, всегда выводящее коллектив на широкую дорогу связей с соседними коллективами, ощущения собственного физкультурного коллектива как крохотной, но органической ячейки всего нашего общества.

Вот как мы объясняли нашим туристам содержание понятия "дисциплины". Например, играет волейбольная команда. За каждым игроком закреплено определенное место на площадке. Дисциплинированная игра приносит победу. Но если игроки начнут оставлять открытым свое место и брать мячи, которые должны были бы принять его партнеры, - поражение неминуемо.

Советская сознательная дисциплина - это прежде всего организованность, в данном случае организованность каждого члена волейбольной команды и организованность всей команды в целом. Это, пожалуй, самое главное, в чем должен быть убежден каждый физкультурник: дисциплина является формой достижения цели коллективом и каждым его членом.

Одна из первых педагогических задач инструктора - объяснить физкультурникам и доказать в жизни правильность этой мысли. Тысячи примеров, подтверждающих ее, может найти на каждом шагу в деятельности физкультурного коллектива вдумчивый руководитель, тренер, капитан команды, инструктор туризма или альпинизма.

Дисциплина - это организованность. И разве есть место в понимаемой так дисциплине представлению о том, что дисциплина связывает, сковывает человека? А ведь нам не раз приходилось сталкиваться с подобными "воззрениями" и бороться с "ними, используя факты самой жизни.

Разве организованность, дисциплина игроков на волейбольной площадке принижает их таланты, связывает их? Нет, в жизни происходит как раз наоборот. Организованность и дисциплина помогают каждому игроку проявить все свое мастерство, найти новые возможности, обогатить свою игру. В то же время организованность, дисциплина приводят к успехам всего коллектива в целом, обнаруживают новые источники увеличения его наступательной силы.

Да, именно наступательную силу коллектива умножает советская дисциплина! Мы всегда стремились показать в действии эту особенность советской дисциплины. В горном туризме, в альпинизме на каждом шагу очень ярко и наглядно подтверждается эта простая мысль.

К сожалению, она еще не всем понятна. Иногда дисциплину представляют себе как свод различных запретов:

этого нельзя делать, сюда нельзя идти и т. д. Конечно, инструктор обязан требовать определенных норм поведения, накладывать запреты на определенные поступки, неправильное поведение. Но только к этому сводить дисциплину невозможно и вредно.

Главное в дисциплине заключается не в запретах, а в увеличении наступательной силы коллектива. Дисциплина должна пробуждать личную инициативу каждого, действующую в интересах коллектива.

...Когда ранним утром мы подходили к наиболее трудному участку ледового перевала, у нас, инструкторов, обычно возникал душевный подъем. Он вызывался не только удовлетворением, что большая группа туристов овладела сложной и интересной техникой перехода по снегу и льду в горах. Мы знали, что вот сейчас с наибольшей полнотой и яркостью туристы почувствуют, поймут, как дисциплина умножает силы коллектива и в то же время дает широчайший простор для проявления талантов каждой личности. Мы знали, что это будет неминуемо так: обстановка опасности делает эту особенность дисциплины доходчивой.

Но мы не ограничивались только душевной радостью, а начинали обдумывать, как наиболее ярко проявить эту особенность дисциплины, чтобы туристы сумели полнее ощутить все ее значение. И тогда переход через перевал становился не только школой овладения техническими навыками движения по заснеженным склонам и леднику, но и школой воспитания дисциплины, школой в каком-то смысле нравственного улучшения человека.

Мы собираемся на большом камне, и старший инструктор говорит:

- Смотрите, весь перевал виден перед нами. На дне корыта перевала лежит ледник - можно идти там. Выше к самым скалам подходят снежные поля, по которым тоже можно двигаться. Но есть и еще один путь: всегда между снегом и скалами образуется пространство от того, что солнце нагревает камень и он, излучая тепло, растопляет край снежного поля. Какой из этих путей вы выберете? Внимательно осмотритесь, посоветуйтесь друг с другом и доложите нам, инструкторам. Обязательно обдумайте не только где идти, но и как идти: в строю или без строя, в каком темпе, где помогать девушкам, где организовать помощь всем без исключения. Вообще: как тут должен действовать наш коллектив, чтобы быстро и без аварий преодолеть эту последнюю серьезную преграду на пути к морю?

Так вступал в дело принцип самостоятельности. И перевал становился настоящим кладом для инструктора-педагога, для его воспитательных целей. А сколько таких кладов отыскивает вдумчивый инструктор на пути туристов, шагающих по лесам, плывущих в байдарках по порожиистой реке, преодолевающих горный хребет, и как обогащаются чувства и мысли участников этих походов! Вот почему мы так любим туризм и альпинизм.

Перевал, вершина или река дают возможность инструктору рассказать о географии района, его населении и о множестве других вещей, которые неизмеримо обогатят воспитательный педагогический процесс. Рассказ о природе и ее переделке советским человеком свяжет наш крохотный коллектив со всей необъятной Родиной. Этой драгоценной возможностью всегда должен пользоваться инструктор туризма.

Но вот перевал просмотрен, путь избран, и тогда начинает действовать великий закон: дисциплина умножает силу коллектива, силу каждого человека! Сколько внимания, заботы о товарище, вдохновения в действиях каждого, согласованных с действиями всех! И как это все ясно, ощутимо здесь на перевале, какие яркие чувства рождает дисциплина наступления, как она облагораживает советского человека, позволяет проявиться всем самым человеческим его свойствам и качествам, осмыслить великое значение нашей советской дисциплины.

Теперь особенно понятными становятся слова А.С. Макаренко: "В социалистическом обществе... дисциплина становится не технической, а обязательно нравственной категорией. Поэтому для нашего коллектива абсолютно чужда дисциплина торможения, которая сейчас по какому-то недоразумению сделалась альфой и омегой воспитательной премудрости многих педагогов. Дисциплина, выражаемая только в запретительных нормах, - худший вид нравственного воспитания в советской школе.

В нашем школьном обществе (*а мы можем прибавить - и в среде спортсменов и физкультурников - Прим. авт.*) должна быть дисциплина, которая есть в нашей партии и во всем нашем обществе, дисциплина движения вперед и преодоления препятствий, в особенности таких препятствий, которые заключаются в людях". (*Макаренко А.С. Избранные педагогические сочинения, АПН РСФСР. 1949, книга 4, стр. 227*).

...Вот перевал преодолен! И мы, инструкторы, чувствуем, что теперь все туристы, в том числе и те, кто еще в душе не соглашались с нами, не понимали чего-то, будут иначе, глубже понимать значение советской дисциплины.

В такие минуты отчетливо ощущаешь, что работа инструктора становится глубоко партийной, если он на каждом шагу выступает как педагог, как воспитатель нужных советскому народу замечательных качеств, о которых говорил наш вождь и учитель товарищ Сталин в своем приветствии туркменским конникам, участникам беспримерного в истории кавалерии пробега Ашхабад-Москва:

"Только ясность цели, настойчивость в деле достижения цели и твердость характера, ломающая все и всякие препятствия, - могли обеспечить такую славную победу. Партия коммунистов может поздравить себя, так как именно эти качества культивирует она среди трудящихся всех национальностей нашей необъятной Родины".

Дисциплина делает жизнь коллектива интереснее и полнокровнее. В физкультуре, спорте эта особенность дисциплины сразу бросается в глаза, проявляется очень непосредственно, ярко. Дисциплинированный коллектив интереснее проведет занятия по переправам, с увлечением преодолеет сложный маршрут, значительно больше узнает о природе и делах советских людей, чем коллектив неорганизованный, разболтанный, ослабленный неразберихой, раздорами.

В горах, кроме того, отсутствие дисциплины может привести человека и коллектив в обстановку смертельной опасности. Анализ несчастных случаев в горах показывает, что подавляющее их большинство происходит не на сложных участках, а на сравнительно простых местах, где внимание подчас ослабляется, например при спуске с вершины, когда возникает некоторая психологическая самоуспокоенность. Иными словами, коллектив туристов или альпинистов, теряя драгоценное качество организованности, дисциплины, тем самым ставит себя в опасное положение.

А.С. Макаренко, говоря о дисциплине, замечает:

"Логика нашей дисциплины утверждает, что дисциплина ставит каждую отдельную личность, каждого отдельного человека в более защищенное, более свободное положение...

Дисциплина в коллективе - это полная защищенность, полная уверенность в своем праве, путях и возможностях именно для каждой отдельной личности.

Конечно, в нашей общественной жизни, в нашей советской истории много можно найти доказательств этого положения, и сама наша революция, само наше общество является подтверждением этого закона. Мы для того и сделали революцию, чтобы наша личность была свободна, но форма нашего общества - это дисциплина..." (Макаренко А.С., *Избранные педагогические произведения*, Учпедгиз, 1946, стр. 90-91).

В одном из походов турист, "теоретизировавший" о ненужности, вредности, стеснительности дисциплины, утром отказался встать вместе со всеми. Когда товарищи принялись будить его более настойчиво, он захватил свое одеяло, вылез из палатки и отправился на пригорок в лес досыпать там.

Туристы давно уже встали, позавтракали, приготовились к выходу, а любителя "свободы" все еще не было. Крики не помогали, он не показывался из леса. Только белка, заинтересовавшаяся "свободной личностью", скорчившейся под одеялом около корней пихты и дернувшая туриста за волосы, заставила его стремглав выскочить из леса к поляне, где стоял лагерь. Так поборник "личной свободы", а по существу дезорганизатор, покушался на свободу своих товарищей, задерживая их выход.

А.С. Макаренко, словно предугадав такой случай, замечает в одной из своих работ: "Нарушитель дисциплины обвиняется не только мною, но и всем коллективом в том, что он нарушает интересы других членов коллектива, лишает их той свободы, на которую они имеют право".

(Макаренко А.С., *Избранные педагогические произведения*, Учпедгиз, 1946, стр. 91).

Наказание за проступок, совершенный членом коллектива, - это одна из самых сложных, ответственных и еще недостаточно разработанных проблем воспитательной работы. Наказание, нам кажется, не должно быть частым явлением в спортивном и, в частности, туристском коллективе. Следует искать иных форм педагогического воздействия и прежде всего стремиться убедить спортсменов-туристов, альпинистов, лыжников и т. д. - в справедливости тех или иных положений с помощью самой жизни.

Но в практике физкультурной и в том числе туристской работы бывают такие случаи, когда наказать совершившего проступок надо.

В чем же сила наказания? Что такое наказание?

Мы убедились на практике, что наказание по своему существу должно быть формой выражения требования коллектива к личности. Конечно, это очень решительная и часто - жесткая форма требования, но тем не менее это именно требование коллектива.

Однажды мы подходили по обломкам скал к заснеженному перевалу. Час утра был ранний. Снег с глубокими синими тенями в протаявших бороздах, желтоватые скалы, далекие вершины были видны очень ясно. Внезапно нам навстречу с перевала стала спускаться цепочка горных козлов - туров. Мы были в районе заповедника и давно ждали встреч с турами и сернами. Все тридцать человек, затаив дыхание, следили за животными. И вдруг раздался резкий, оглушительный свист. Козлы сделали скачок в сторону и скрылись среди скал. Вся группа зашумела, обрушившись с упреками на молодого туриста, вспугнувшего животных. Этот турист все время отличался в походе какими-нибудь неожиданными и неумными выходками. Но это был веселый, общительный юноша, и товарищи многое ему прощали.

Инструктор коротко приказал:

- Отправляйтесь в конец колонны. Вы не умеете себя вести...

Турист был смущен и не столько словами инструктора, сколько общим протестом

товарищей против его поступка.

Это - незначительное происшествие. Но нам оно показало, что наказание только тогда достигает своей цели, когда оно является требованием коллектива, поддерживается коллективом. В справедливости этого положения мы потом убеждались много раз и нашли подтверждение этому в работах А.С. Макаренко.

Такое понимание характера наказания поможет инструктору действовать достаточно определенно: надо создать обстановку, при которой наказание стало бы требованием коллектива.

А если этого нет? Если стремление наказать провинившегося спортсмена кажется несправедливым коллективу?

Тогда, пожалуй, лучше и не наказывать. Такие случаи иногда возникают. Они объясняются или тем, что инструктор действует неправильно и в самом деле ошибается, или коллектив еще недостаточно окреп, еще не научился требовать. И в том и в другом случае инструктор должен очень внимательно присмотреться к создавшемуся положению и действовать весьма осмотрительно.

Мы убедились в том, какой большой силой является наказание, если оно поддерживается коллективом. Именно потому, что такое наказание весьма действенно, инструктор обязан с осторожностью прибегать к этой форме педагогического влияния на личность. Иногда достаточно бывает замечания провинившемуся в присутствии его товарищей, тона иронии - и необходимый результат уже достигнут.

Приказ, оглашенный перед строем физкультурников, в котором "ставится на вид" или просто отмечается неправильное поведение, также обладает огромным воздействием. Поэтому и к таким формам наказания следует прибегать с большой осторожностью. Но там, где они необходимы в интересах правильного развития коллектива, и там, где наказание поддерживается коллективом, эти формы вполне уместны и совершенно обязательны в общей системе воспитательных мероприятий.

Наиболее резкая и жесткая форма наказания - удаление из коллектива. Эта мера может быть вызвана лишь какими-то исключительными обстоятельствами. В нашей практике трехлетней работы в учебных туристских лагерях, через которые прошло около 3000 человек, только трех туристов постигла столь суровая кара и, надо сказать, вполне заслуженно. Эта мера наказания не только каждый раз поддерживалась коллективом туристов, но и являлась результатом категорического требования коллектива.

Некоторые "методисты" говорили нам: нельзя исключать из коллектива, надо перевоспитывать, вы неправильно поступаете и не имеете права так поступать.

Конечно, часто исключать из коллектива нельзя, да и в советской действительности такая необходимость может носить только единичный характер. У нас это были редчайшие случаи. Одного юношу в 1949 году мы отказались допустить к испытаниям и выдать ему туристский значок потому, что во время похода он самовольно ушел из группы, забрался на ледник, чуть не сорвался, задержал всех туристов и пришлось посылать спасательный отряд, чтобы снять его со скал. Поход для туристов был испорчен.

Мог ли получить этот юноша значок "Турист СССР"? Нет, это было бы лицемерием с нашей стороны. На словах утверждать, что советский турист должен быть образцом дисциплинированности и коллективизма, а на деле выдавать такому человеку значок - это значит подрывать под корень принципы коммунистического воспитания. Мы поддержали требование коллектива туристов и значка этому "туристу" не выдали, сказав ему, что прежде всего он должен многому научиться, а потом думать о почетном значке.

В 1950 году в нашем лагере "Кавказский заповедник" произошел совершенно исключительный случай. Один из туристов всем своим поведением стремился дезорганизовать коллектив и поступал так, как не должен был бы действовать советский человек. Никакие меры не оказывали на него влияния, и тогда туристы, возмущенные до глубины души поведением этого человека, попросили нас удалить его из коллектива. Мы

поняли, что это был единственный путь, чтобы помочь коллективу ощутить свою силу-силу требования коллектива. Это в то же время был единственный путь, чтобы резко встряхнуть нарушителя дисциплины и заставить его понять, каковы результаты такого поведения.

Имели мы право при столь исключительных обстоятельствах освободить от него коллектив? Всякий честный и последовательный воспитатель поступил бы именно так.

Но вне лагеря нашлись люди, заявившие, что этого нельзя было делать, что следовало нарушителя не исключать, а перевоспитать (это в двенадцать дней-то?!) и даже выдать ему значок "Турист СССР". Мы отвечали: "Поступать так - значит лицемерить, значит защищать буржуазную мораль. Пусть в будущем году этот человек отправится в новый поход и, если покажет себя настоящим советским туристом, тогда и получит значок".

Приведем здесь замечательные слова А.С. Макаренко:

"Педагогическая теория, доказывающая, что хулигана нельзя выгнать в коридор, а вора нельзя выгнать из коммуны (можем прибавить: морального уroda - выгнать из туристского коллектива - Прим. авт.) - "вы должны его исправить, а не выгонять" - это разглагольствования буржуазного индивидуализма, привыкшего к драмам и "переживаниям" личности и не видящего, как из-за этого гибнут сотни коллективов, как будто эти коллективы не состоят из личностей...

...Обращает внимание и еще одно обстоятельство: те, кого коллектив выбросил из своих рядов, испытывают чрезвычайно могучую моральную встряску...

...Эта суровость есть самая большая гуманность, какую можно предъявить к человеку..." (Макаренко А.С. , *Избранные педагогические произведения*, Учпедгиз, 1946, стр. 36, 37).

Какой же результат предполагается в итоге правильно найденного и примененного наказания?

А.С. Макаренко высказывает очень глубокую мысль: наказание не должно осложнять конфликт или, сняв один. конфликт, создавать другой. Наказание призвано разрешить, устранить конфликт.

Полная поддержка коллективом наложенного руководителем наказания и должное отношение к наказанию со стороны самих нарушителей обеспечивается всем ходом воспитательной работы, всей системой методов этой работы, всем тоном жизни коллектива.

Как-то нам привелось столкнуться с тем, что несколько туристов одной из учебных групп не явились на теоретические занятия. Во время занятий эти юноши безмятежно загорали на берегу реки.

Группа находилась в доходе уже не первый день, и любителей солнечных ванн нельзя было считать новичками. Поэтому на следующий день нарушителям перед строем лагеря был объявлен выговор. Это было первое взыскание в группе. Мы больше не напоминали об этой истории, не читали нарушителям нравоучений, не проводили никаких бесед с туристами на эту тему. Жизнь группы продолжала идти своим чередом. Но чувствовалось, что группой этот случай не забыт. Инструктор очень быстро убедился, что все члены группы, включая и получивших выговор, восприняли наказание как должное, как оправданную обстоятельствами меру воздействия. В дальнейшем виновники происшествия ни разу не подвели группу.

Уже к концу похода, за перевалом, когда туристам были вручены значки, в приказе по лагерю ряду участников была объявлена благодарность. В особом параграфе приказа мы сняли выговор с провинившихся, учитывая их достойное поведение в дальнейшем походе. Однако благодарности мы им не объявили. И опять это было воспринято как должное ими и всей группой.

Случай этот не заслуживает, конечно, особого внимания - таких историй было немало в нашей практике. Тут важно лишь то, что наказание, наложенное на нескольких нарушителей, было правильно воспринято всем коллективом в результате верно взятого общего тона работы с группой.

Были, однако, и исключения, когда и нарушители и коллектив оказывали скрытое, а то и явное противодействие подобным мерам. И анализ этих случаев всякий раз показывал нам, что они являлись следствием неправильно взятого тона, необдуманных действий руководителя.

Спустя небольшое время после описанного выше случая нам пришлось столкнуться с его повторением в одной из последующих групп, но уже в очень своеобразном, можно сказать, исключительном варианте.

Группа, о которой идет речь, только что пришла в лагерь и еще не успела слиться с жизнью лагерного коллектива. И вот в первую же ночь, после отбоя, в палатке, где помещались юноши этой группы, разыгралось шумное веселье. Возня, хохот, дикие выкрики разнеслись по притихшему, засыпающему лагерю. Неоднократные замечания девушки - дежурного инструктора - не помогали, "веселье" продолжалось.

Пришлось вмешаться старшему инструктору. Войдя в палатку, он предупредил, что, если немедленно не наступит тишина, руководство лагеря будет вынуждено прибегнуть к строгим мерам. Но даже это не подействовало на "развеселившихся" туристов. Утром наиболее шумливые получили выговор перед строем.

Но мы сразу же заметили, что этот выговор не получил поддержки группы, хотя коллектив всего лагеря не мог не одобрить его. Не привыкшие к требовательности, не выработавшие дисциплины туристы не считали серьезным нарушением ночной "концерт". Явного протеста мы не видели, но чувствовалось глухое недовольство и недоверчивая настороженность.

Три дня жила эта группа в лагере, готовясь к дальнему и трудному переходу. Три дня интересных занятий, увлекательной работы, подтянутой, четкой дисциплины сделали свое дело. Туристы поняли необходимость и красоту этой атмосферы и постепенно осознали целесообразность и правильность наших действий. Они увидели в инструкторах не только требовательных, строгих начальников, но и верных, заботливых друзей и веселых товарищей в минуты отдыха. Увидели, что инструкторы требуют серьезности и четкости в тех случаях, когда этого требует сама жизнь. И тогда коллектив группы решительно встал на нашу сторону.

Однако трое его участников из числа получивших выговор продолжали упорное, хотя и скрытое противодействие. Вечером, накануне выхода группы на маршрут, эти трое тайком от всех, но якобы от имени группы записали в книге отзывов, что группа недовольна инструкторами.

Утром на прощальной линейке старший инструктор, проверив готовность группы к выходу, подвел итоги пребывания туристов в лагере, поблагодарил их за хорошо проведенные занятия, пожелал успеха в походе. Затем он прочел перед строем злополучный отзыв и поинтересовался, действительно ли это мнение всей группы. Запись в книге отзывов вызвала шумный протест туристов, они обрушились на авторов записи.

Через несколько дней в лагерь с маршрута прибыло коллективное послание, опровергавшее отзыв трех туристов.

В данном случае мы, конечно, не могли прибегнуть к мерам "административного" воздействия на авторов записи, хотя они и совершили проступок по отношению к группе, приписывая ей свое мнение, резко противоречащее мнению коллектива. Лучшей мерой в этом случае было воздействие самого коллектива.

Нельзя не предостеречь инструктора: командование ради желания командовать, строй там, где он не нужен или утомителен, долгое пребывание в строю, лишённое логики, - это не дисциплина, а нечто совершенно чуждое понятию советской дисциплины. Строй нужен и необходим там, где он оправдывается целесообразностью, где он жизнерадостный, бодрый.

В дисциплине заключена большая внутренняя красота, которая имеет огромное значение в воспитательной работе.

У нас в лагере или в походе иногда создавалась такая обстановка, которая требовала

особой собранности, быстроты, энергии, значительного физического напряжения. Однажды, например, возникла необходимость в короткий срок навести надежную переправу через горную реку. Эту работу мы поручили наиболее сильной и организованной группе туристов, которая уже прошла по зачетному маршруту и сплотилась в дружный коллектив. Ответственное и трудное задание было выполнено успешно, и мы заметили, что этот эпизод создал приподнятую атмосферу в группе. Туристы явно гордились своим коллективом. чувствовали в нашем доверии к их группе особую красоту.

А.С. Макаренко указывает, что подобная эстетичность является последней филигранной работой в воспитании дисциплинированности. Не всякий коллектив может достичь до такого предела и далеко не все наши группы приходили к нему. Но когда нам удавалось добиться элементов этого в какой-либо из групп, мы чувствовали себя победителями.

Кроме внутренней эстетичности, в дисциплине есть еще и внешняя эстетичность, также очень важная в работе с коллективом.

Всем нашим требованиям к туристам, формам воспитания дисциплины мы стремились придавать как можно больше торжественности, красоты, теплоты. Именно поэтому встречи групп, приходивших из похода, всегда обставлялись торжественно, сопровождалась аплодисментами, вручением цветов, радостью, улыбками, крепкими рукопожатиями. Спортивный флаг поднимался под музыку, туристские соревнования проводились в столь же торжественной обстановке.

Дисциплина украшает коллектив. Эта сторона дисциплины - ее красота - является очень значительным моментом в полноценности жизни коллектива, в успешности его развития.

Этого не понимают некоторые люди, оторванные от жизни.

Но зато это прекрасно понимали туристы. Каждый из наших коллективов с большим воодушевлением всегда вносил в общую сокровищницу что-то свое, чтобы сделать более яркой и внешней и внутреннюю красоту дисциплины.

СТИЛЬ, ТОН, ТРАДИЦИИ

Постоянная бодрость, никаких сумрачных лиц, готовность к действию, мажорное, веселое, бодрое настроение — так говорил Макаренко о тоне коллектива. Именно такой тон он считал одним из решающих условий существования нормального, здорового коллектива.

Для спортивного коллектива этот тон особенно важен.

Как-то вместе с одной из групп мы застряли в высокогорном лагере, пережидая непогоду. Выходы на практические занятия были прекращены. Вынужденное бездействие могло угнетающе подействовать на людей, а холодная, дождливая погода делала наше положение еще более неприятным.

Над маленькой лесистой долиной, лежащей на полторы тысячи метров над уровнем моря и стиснутой со всех сторон скалистыми горными хребтами, нависли тяжелые тучи. Дождь то сочился из них, мелкий и холодный, то начинал хлестать с утроенной силой. Намокло все, что могло намочиться: земля, трава, деревья, брезенты палаток — все было пропитано водой.

Но люди не унывали. В хижинах, сделанных из драни, где мы разместились, целый день звучал смех, раздавались песни, шутки. Строго по расписанию проходили занятия, на которых туристы узнавали о жизни гор, о способах переправ и о многих других необходимых вещах.

Никакая непогода не могла помешать нам проделывать каждое утро зарядку в одних трусах под освежающим дождевым душем, выстраиваться на утреннюю линейку для заслушивания очередного приказа по лагерю. Каждое утро поднимался на мачте вымокший,

потемневший, но родной для всех спортивный флаг. Мы, инструкторы, всеми мерами стремились поддерживать в людях задорный, жизнерадостный тон, понимая, что в трудных условиях именно это в сочетании с повседневными занятиями сохранит коллектив в целостности.

Этот тон уже стал традицией здесь в горах с самого начала лагерного сезона.

На наших глазах ушла через перевал к морю группа инструктора Зои Шлюковой, которую мы сменили в лагере. Туристы уходили, высоко закатав брюки и сняв ботинки: им предстояло перейти затопленную пойму истоков Белой и, форсировав реку, начать несложный подъем.

Атмосфера бодрости и задора царила среди людей уходящей группы. Мы выстроились против товарищей с букетами горных цветов, обрызганными мелкой серебряной пылью дождевых капель. Не умолкали шутки, не гасли улыбки. На фоне серенькой погоды еще ярче становилась эта замечательная демонстрация неиссякаемой жизнерадостности советских спортсменов и их воли к победе над силами природы.

Четкие команды инструкторов, прощальные возгласы, и вот группа Зои, вытянувшись в походную цепочку, проходит под «аркой победы», увитой гирляндами живых цветов. Долго стоим мы на холме над рекой, следя за движением товарищей по долине, за их подъемом по горной тропе. Над долиной стелется туман, но туристы в разноцветных — красных, зеленых, синих — плащах долго еще заметны на большом расстоянии.

Нашей группе через день также выступать по этому же несложному «мокрому» маршруту. Надежда на хорошую погоду невелика, и инструктор с затаенным волнением окидывает туристов изучающим взглядом: хватит ли у них бодрости и жизнерадостности, чтобы так же вот смело и весело выйти в переход. Туристы не замечают его взгляда: они столпились на холме, следя за движением ушедших друзей. Лица их и взволнованны и серьезны. Но вот исчезли высоко на склоне горы в лесной чаще маленькие фигурки в цветных плащах. И вдруг туристы спохватились — вспомнили, что сегодня во второй половине дня в лагерь должна придти следующая группа — наша смена. Немедленно начались бурные приготовления к встрече новых товарищей.

Эта жизнерадостность показала нам многое. Мы убедились лишним раз, какое большое значение имеет для жизни спортивного коллектива бодрый тон, четкий стиль, хорошие традиции. Если в коллективе господствует «мажорность тона», бодрость и жизнерадостность, то ему не страшны никакие испытания, — это коллектив прочный.

Туристы такой группы не только успешно преодолеют все препятствия: они вволю насладятся суровой, для многих лишь впервые в жизни увиденной красотой гор; заметят и серн, мелькнувших на осыпи, и орла, парящего в небе; определят размеры и высоту дальней горной вершины, поднимающей выше облаков свои снежные склоны; остановятся и заговорят со случайно попавшимся навстречу местным жителем, засыплют его вопросами об этих местах и с жадностью выслушают его рассказы...

Да, многое успеют увидеть и сделать такие туристы: и край узнают, и песни веселые о походе сложат, и сдружатся между собою так, что самим станет странно, как это они раньше могли жить друг без друга. И долго-долго, может быть всю жизнь, будут с радостным и теплым чувством вспоминать дни похода.

Все это, вместе взятое, и определяет настоящий тон коллектива. И если не будет такого тона, то поход окажется проваленным. При первых трудностях, а то и вовсе без них коллектив расползется, как глина под дождем. Где уж тут увидеть окружающую природу, когда в дождь холодно, а в солнечный день жарко, да и попутчик норовит сунуть себе в рюкзак поменьше груза. И ночью не выспался, и насморк мучает из-за непросушенной одежды, и вообще скверное настроение.

Да что туризм! Любой спортивный коллектив, в котором отсутствует этот «мажорный» тон, заранее, обречен на унылое существование. Волейбольная или баскетбольная команда, в которой люди ходят, повесив носы, и подозревают друг друга во время игры в самых худших намерениях, никогда успешно не проведет состязания. Тут уж не жди ни удачных

комбинаций, ни нужных передач. То же и в футболе, и в гребле, и в других видах спорта. Это известно всем руководителям физкультурных коллективов, это стало понятно и нам, инструкторам туризма во время нашей работы в лагере.

Обеспечить нужный тон в туристском коллективе трудно.

А.С. Макаренко, говоря о необходимости мажорного, жизнерадостного тона в коллективе, писал: «Этот мажор не может, конечно, создаваться специальными методами, это результат всей работы коллектива...» (Макаренко А.С., *Избранные педагогические произведения*, Учпедгиз, 1946, стр. 149).

Так оно было и у нас. Нужный тон достигался определенным стилем работы, созданием своеобразного ритма жизни спортивного лагеря.

А.С. Макаренко говорит о большом значении в воспитательной работе прочного и сильного коллектива воспитателей–педагогов и о единстве этого коллектива с коллективом воспитанников. Обе эти группы должны являться, по сути дела, одним коллективом.

Создавая нужный тон и стиль жизни нашего лагеря, мы работали именно в направлении создания такого единого коллектива. И решающая роль нас, инструкторов, в этом деле становилась тем яснее, чем больше мы работали.

В организации учебной и воспитательной работы А.С. Макаренко огромное значение придавал коллективу преподавателей. «Нормальная работа школы немыслима, — говорил он, — без сплоченного педагогического коллектива, придерживающегося единой методики и коллективно отвечающего не только за «свой» класс, а за всю школу в целом».

Работать в одиночку с учебным спортивным коллективом нельзя. Такая работа не может никогда дать нужных результатов, даже при условии высокой талантливости и большой опытности руководителя. Но и коллектив руководителей не добьется нужных результатов, если этот коллектив не является единым коллективом, объединенным общей целью и общей борьбой за достижение этой цели.

Проблема создания прочного коллектива педагогов — дело, вообще говоря, сложное. В наших условиях это было проще. Инструкторы — люди примерно одного возраста, преимущественно студенты педагогических вузов и училищ; прежде чем приехать на работу в лагерь, они проходили совместно подготовку к этой работе на семинаре в течение ряда месяцев. Уже там, на занятиях, складывался и укреплялся будущий коллектив инструкторов. Ко времени окончания курсов он представлял из себя боевую, сплоченную группу опытных туристов, прошедших большую теоретическую и практическую подготовку и сдружившихся между собой в многочисленных походах.

Поэтому, прежде всего именно инструкторы создавали тон и стиль коллектива лагеря, где группы туристов шли непрерывным потоком, сменяя друг друга. Вместе с партийно-комсомольским ядром туристских групп инструкторский коллектив задавал бодрый, жизнерадостный тон физкультурного туристского лагеря.

Вот хотя бы такая «мелочь», как ежедневная зарядка. Конечно, в хорошую погоду летом всем приятно размяться на свежем воздухе под лучами ласкового раннего солнца. Но в дождь и непогоду побудить туристов все же провести зарядку — сложная задача. Несмотря на это, мы проводили зарядку и под дождем и в походе. Такова была традиция, соблюдения которой настойчиво добивались инструкторы.

В прошлом году во время дождей туристы однажды не вышли на зарядку. Дождь разразился под утро, и когда рассвело, вся долина, где мы находились, плавала в тучах. Дело было в июле, дождь шел теплый — от такого не простудишься. Но туристы, забившись в уютные домики, ни за что не хотели выходить из них.

И вот тогда мы, инструкторы, в одних трусах выбежали на аллеи лагеря и устроили пробежку мимо всех корпусов. Когда мы возвращались к линейке, многие туристы, не выдержав искушения, присоединились к нам. На спортплощадке зазвучали команды инструктора, руководившего упражнениями.

На эту зарядку вышли далеко не все. Но в дальнейшем больше за весь сезон мы ни разу

не обходились без зарядки. И инструкторы и туристы воспринимали зарядку как традицию и передавали ее от группы к группе.

Инструктор должен быть образцом порядка, аккуратности. Это лучший товарищ в походе, первый турист группы. Одетые в форму — ковбойка с закатанными рукавами, короткие до колен штаны и шляпа с полями — инструкторы мелькали по лагерю, ни на минуту не оставаясь без дела. И, глядя на их подвижность, на дружбу и внимание друг к другу, заражаясь их веселым и живым огоньком, туристы учились у них настоящему, нужному в походе тону и стилю.

Выступая на собрании слушателей и профессорско-преподавательского состава Военно-политической ордена Ленина Академии Красной Армии 19 сентября 1940 года, М.И. Калинин подчеркнул необходимость развития и культивирования боевых традиций воинских частей, указав на традиции как на серьезный фактор в деле воспитания. Он говорил, что традиции, хранимые воинским коллективом, обеспечивают его прочность, жизненность, дают возможность молодым бойцам органически слиться с боевым организмом полка. «Поэтому надо поставить это дело (*развитие традиций — Прим. авт.*) как следует, не кустарно, а организовано...», — сказал Михаил Иванович.

«Здоровый советский стиль создается путем воспитания уважения к себе и коллективу... Стиль создается очень медленно потому, что он немыслим без накопления традиций...» (*Макаренко А.С., Педагогические сочинения, АПН РСФСР 1948, стр. 29*).

«Ничто так не скрепляет коллектив, как традиция. Воспитать традиции, сохранить их — чрезвычайно важная задача воспитательной работы...» — говорит А.С. Макаренко. (*Макаренко А.С., Избранные педагогические произведения, Учпедгиз, 1946, стр. 79*).

В своей работе мы очень быстро убедились в правильности этого утверждения.

Закладывали традицию в наших туристских коллективах прежде всего инструкторы. Мы не выдумывали этих традиций: туристский опыт многое нам подсказывал и о многом напоминал. Но самым главным условием закрепления в жизни традиции было принятие ее коллективом. Интересная мысль, поданная кем-либо из инструкторов, подхватывалась туристами, обогащалась на глазах; каждая проходящая по маршруту группа считала своим долгом внести свой вклад в это дело.

Застрельщиками были коммунисты и комсомольцы группы — наша главная опора вообще во всей воспитательной работе. Традиции оказали нам неоценимую помощь. Роль и значение их мы окончательно поняли, когда соприкоснулись с одним важным разделом педагогической науки.

Вот как это произошло.

В нашей инструкторской практике оказался довольно сложным вопрос о взаимоотношениях коллективов. Мы столкнулись с тем, что нормальную жизнь внутри первичного коллектива, например группы туристского похода, легче организовать, чем согласованные, дружеские, коллективистские отношения между двумя коллективами, например между двумя туристскими группами или двумя спортивными командами. Это положение оказалось для нас довольно неожиданным и заставило задуматься над одним важным вопросом.

А.С. Макаренко постоянно подчеркивает необходимость единства воспитательного коллектива. Отсюда — требование связи между маленькими коллективами, представляющими части большого. У нас это проявлялось в необходимости установления прочных, дружеских отношений между туристскими группами, что имеет большое значение в воспитании правильного стиля и тона.

Туристы, находятся ли они в походе или в лагере, должны жить не только интересами своей группы, но и интересами всех групп, всего лагерного коллектива. Находясь в пути, туристы должны знать, что они не одни в горах, что о них думают, заботливо следят за

прохождением ими пути, что в любую минуту их товарищи из других групп окажут им помощь и поддержку. Таков железный закон туризма, закон советского спорта, закон вообще всего советского общества: у нас нет обособленных, и каждый из нас чувствует рядом плечо соседа и товарища.

Правильно организованный коллектив никогда не противопоставляет себя другим коллективам; он должен всегда ощущать себя частью большого коллектива, чувствовать себя первичной ячейкой всего нашего социалистического общества. Только коллектив, члены которого отчетливо это понимают, и может называться настоящим советским коллективом.

Одно происшествие на нашем маршруте показало важность этого вывода.

В центр маршрута Гузерипль пришли две туристских группы. Мы всегда стремились создать в горах дух коллективизма, товарищества, дружбы, и поэтому нас, инструкторов, удивило, когда туристы одной из групп отказались дать концерт самодеятельности около костра для туристов другой группы.

— Они над нами насмехались в Хаджохе, — сказал староста «взбунтовавшейся» группы, — не желали там слушать наш концерт самодеятельности. А теперь мы не желаем иметь с ними никакого дела...

Поселок Хаджох был начальным пунктом нашего маршрута, и там зародилась «вражда» между двумя коллективами.

В Гузерипле у нас существовала традиция: каждая группа провожает в поход другую группу вечерним костром и концертом самодеятельности. И вот теперь мы не знали, что делать.

Каждый коллектив в отдельности, казалось, был жизнерадостным, дружным, подлинно советским коллективом. И вдруг оказалось, что оба коллектива не могут жить в дружбе. Значит в них есть изъяны — инструкторы что-то проглядели, допустили какие-то ошибки.

Нам долго пришлось убеждать «взбунтовавшуюся» группу. В конце концов, концерт все же состоялся. Но каждый из нас чувствовал какую-то неловкость, натянутость, искусственность обстановки около ярко пылавшего костра. Участники каждой группы сидели двумя отдельными тесно сбившимися кучками. И песен общих не было, и аплодировали скупо.

Эта антипатия двух коллективов так и осталась на протяжении всего пути, где группы несколько раз встречались. Каких только усилий не прилагали инструкторы — все было напрасно.

Мы стали искать, что явилось подлинной причиной столь ненормального положения, и пришли к мысли, что никогда нельзя допускать замыкания коллектива только в свои узко-частные интересы, что коллектив всегда должен быть связан какими-то осязаемыми нитями с другими коллективами.

Придя к такому выводу, мы почувствовали, что надо искать формы связей с соседними коллективами. Концерты у традиционного костра стали проводить обязательно совместными силами групп, а не силами одной группы для другой. Постарались теплее, праздничнее организовать встречи и проводы групп, устраивать товарищеские вечера-встречи двух-трех коллективов в горах, вдали от населенных пунктов.

Вопрос о дружбе соседних коллективов имеет очень большое значение в жизни физкультурных коллективов, среди спортсменов вообще. Подчас получается так, что неправильно понятый дух советского спортивного соревнования приводит не к взаимопомощи среди коллективов, а к вражде между ними, не к соревнованию, а к соперничеству. Иногда неверно взятый тон тренера усиливает вражду с соседней командой, что неминуемо приводит к неэтичным поступкам, грубостям на поле, к подсиживаниям и интригам. Это значит, что поднимает голову пережиток капитализма в сознании человека, чувство нездорового соперничества, вместо подлинного советского соревновательного духа.

Это очень важный и сложный вопрос, и он еще далеко недостаточно разработан нашими педагогами-спортсменами. Инструктор, тренер никогда не должны упускать его из

поля зрения. Необходимо твердо помнить, что тот коллектив, в котором, может быть, все с виду и хорошо, но который враждебно, неправильно относится к соседнему коллективу или отгораживается от крупного коллектива, чьей частью он является, — нельзя назвать настоящим советским коллективом. В таком коллективе, следовательно, что-то недорабатывается, что-то делается неправильно; задача инструктора заключается в том, чтобы обнаружить корни этого порока и с помощью всего коллектива и его партийно-комсомольского ядра устранить, ликвидировать возможность подобных нездоровых явлений.

Связь физкультурного коллектива с партийной и комсомольской организациями — это главный залог того, чтобы сделать идейно-направленной, действенной воспитательную работу инструктора, тренера, капитана команды, оживить всю спортивную работу в целом, придать ей столь необходимую массовость, организовать физкультурников на борьбу за спортивное мастерство, за достижение рекордных результатов.

Дружба спортивных коллективов стала традицией советского спорта. Наша задача — хранить эту традицию. В туризме такая дружба решает многое. В воспитании — это чудодейственный рычаг. И мы много уделяли внимания тому, чтобы дружба стала тоном и стилем наших коллективов, вошла в их традицию.

Начало этой важной работы было положено нами еще в первый же год организации туристского лагеря в горах, когда мы перенесли сюда важные воспитательные традиции некоторых альпинистских лагерей — встречать возвращающихся из похода общим построением, музыкой, цветами. Обычай этот не только быстро укоренился, но туристы наши и способ обогатить его, и тем самым намного увеличить его значение в походной жизни. Вот как это произошло.

Группа инструктора Юры Светлова находилась далеко в горах, за перевалом Псеашхо, в районе лагеря Холодного, расположенного на высоком, поросшем густым кустарником холме, образованном старой моренной грядой.

Туристские группы приходили сюда через каждые три дня, разбивали походные палатки на холме и совершали походы к леднику. На третий день в лагерь прибывала следующая группа, а «старожилы» утром на другой день выступали в обратный путь.

Группа Юры с утра занималась на снегу у самого ледника. К обеду туристы вернулись в лагерь. До вечера оставалось много времени, никаких дел больше на сегодня не намечалось. Мы с Юрой сидели на камне, разговаривая о сегодняшних занятиях. К нам подошел староста группы Борис Донской — смуглый, плечистый киевлянин, завоевавший в группе звание лучшего запевалы и шутника.

— Ну, со стенгазетой порядок, — весело сказал он, присаживаясь. — Редколлегия за работу села, через часика два все будет сделано.

— А чем заняты остальные, Борис? — спросил Юра, указывая на группу оживленно беседовавших на солнечной поляне туристов.

— Да так, впечатления делятся, — махнул рукой Борис. — А девчата стирать к речке пошли. Знаешь, Юра, заскучали что-то наши туристы — делать им нечего. А ведь сегодня двенадцатая группа приходит. Ну вот, и надумали мы встретить их красиво, торжественно.

— Вот это верно, — загорелся Юра, — это вы здорово придумали. Да и дело сразу народу найдется — не до скуки будет. Собирай сюда туристов.

Через некоторое время вокруг нашего камня расселась живописная компания. Слово взял Борис. Он быстро посвятил товарищей в суть дела. «Верно, правильно догадались! Обязательно организуем!» — послышалось со всех сторон.

— Посоветуемся, что нужно сделать, — сказал Юра. Можно было подумать, что каждый только и ждал этих слов. Предложения посыпались одно за другим.

...Когда на берег реки усталым шагом вышли туристы двенадцатой группы, они увидели неожиданную, но приятную картину: с двух сторон бревна, переброшенного через реку над самой водой, были протянуты веревочные перила, удерживаемые четырьмя самыми

сильными участниками нашей группы. Прибывшие смогли без задержки перейти через реку, не возясь с наведением переправы, как это пришлось делать нам в свое время.

С веселой готовностью наши туристы помогали товарищам перебираться через реку. И когда последний из прибывших сошел с подрагивающего бревна и все они начали выстраиваться в походную колонну, туристы из группы Юры свернули в аккуратные мотки веревку и бегом поднялись вверх по крутому и высокому берегу. Вслед за ними медленно потянулась цепочка «гостей» — с тяжелыми рюкзаками за спиной.

Пока внизу на реке шла переправа, мы в лагере заканчивали последние приготовления к встрече. Наш палаточный городок был отнесен ближе к лесу, с таким расчетом, чтобы освободить место для палаток прибывающей группы.

Руками туристов была сплетена из ветвей высокая «триумфальная арка», которую девушки любовно украсили цветами. Между палатками также повисли цветочные гирлянды. Весь участок был тщательно убран. Горячий обед дымился в ведрах, висевших над костром. Яркие букеты красовались в руках девушек.

В лагерь вошли запыхавшиеся организаторы переправы. Значит, «гости» были рядом. Туристы быстро выстроились вдоль палаток. В центре шеренги стояли девушки с цветами, а впереди строя, шагах в трех, староста группы Борис держал на полотенце буханку хлеба с горсткой соли на ее корке.

Это живописное зрелище, ярко освещенное солнцем, предстало глазам изумленных «гостей». Инструктор двенадцатой группы Семен Баскин с первого взгляда понял все. Даже не подав и вида, что он удивлен необычной встречей, сохраняя полную и невозмутимую серьезность, Семен ввел группу в «триумфальные ворота» и развернул строй напротив нашей группы. Выровняв людей и скомандовав «смирно», он отдал рапорт «хозяину» лагеря — Юрию Светлову, доложив о прибытии и о проделанном пути.

— Настроение у всех бодрое, все здоровы, — заключил Семен свой рапорт.

Поздоровавшись с группой и с инструктором, Юра отступил в сторону, и вперед вышел Борис. Он торжественно приветствовал прибывших и передал старосте их группы хлеб-соль. После этого туристы двух групп смешались в одну пеструю, шумную толпу. Зазвучал смех, поздравления, шутки.

Обед, приготовленный нашими поварами, оказался очень кстати. «Гости» с удовольствием воздали ему должное. Затем мы помогли пришедшим растянуть палатки. Вечером у общего костра наша группа по инициативе того же неугомонного Бориса устроила в честь двенадцатой группы концерт самодеятельности, используя в качестве музыкальных инструментов все подсобные средства. Особенный успех выпал на долю трио «ведрофонистов», как окрестили Бориса и двух девушек, «игравших» на ведрах с помощью альпенштоков. «Гости» не выдержали и в порядке экспромта тоже ответили концертом. Место встречи — походный лагерь недалеко от ледника — было торжественно названо Турградом.

А на утро наши дежурные, вставшие чуть свет, чтобы приготовить завтрак для своей выходящей в поход группы, были отправлены обратно досыпать в свои палатки энергичным старостой двенадцатой группы. Он не мог допустить, чтобы приветливые «хозяева» ушли из лагеря, не получив достойной благодарности за вчерашний прием.

Подняв своих дежурных, он быстро и умело организовал приготовление завтрака для нашей группы. После завтрака туристы обеих групп вновь выстроились друг против друга. Перед нами по туристскому обычаю лежали наши уложенные рюкзаки — они надевались только по команде инструктора. Солнце вставало из-за горных хребтов, но на поляне еще лежала густая тень, а над лугами полз туман. Ярко горели снега на вершине Псеашхо. Шумела река.

Мы смотрели на приветливые лица новых друзей, которым передавали «власть» над этим чудесным местом.

— Ну, до свидания, товарищи, — произнес, наконец, Юра и, шагнув к инструктору

двенадцатой группы Семену Баскину, крепко пожал ему руку. — Счастливо оставаться! — сказал он и повернулся к своей группе. Но его предупредили.

— По рюкзакам! — прозвучала команда Семена. И туристы двенадцатой группы ринулись к нашей шеренге. Мы еще не успели понять, что они собираются делать, как наши рюкзаки уже были разобраны ими и одеты на спину. Вместе с нами они вышли из лагеря и провожали нас до самой переправы, таща на себе рюкзаки. Еще раз попрощавшись с друзьями, мы начали подниматься по тропе на противоположный берег реки Холодной. Долго еще доносились к нам дружные прощальные возгласы туристов двенадцатой группы, которые стояли на холме до тех пор, пока мы не исчезли из виду.

Так родилась чудесная традиция встречи двух групп в горах.

«Чувство товарищества, классовой дружбы надо всячески развивать у молодежи, — говорил М.И. Калинин. — Это одно из самых социалистических качеств. Оно необходимо всюду и особенно в классовой борьбе. Многие привыкли понимать чувство товарищества как простые слова, а между тем, если это чувство правильно развивать, если добиваться того, чтобы комсомольцы и беспартийная молодежь, товарищи и друзья вместе делили свои производственные радости, вместе преодолевали трудности, вместе осваивали технику, подлинно помогая друг другу, вместе проводили свой отдых, занимаясь физкультурой и спортом и т.д., то товарищество будет прекрасным дополнением к социалистическому соревнованию, оно даст большие плоды». (Калинин М. И., *О коммунистическом воспитании и обучении*, АПН РСФСР, 1948, стр. 30).

Сами туристы были инициаторами наших замечательных традиций дружбы и сами же они их развивали. В Турграде появились ступеньки для подъема на холм, щит стенгазеты, столы и скамейки для обедов, изгородь, мачта с флагом. Все это было сделано руками туристов.

Так здесь, далеко в горах, проявились замечательные качества советского человека — стремление подчинить природу, страсть к созидательному труду и великое чувство дружбы и товарищества. Наш маленький палаточный Турград являлся частицей огромной Советской страны, и жители его были товарищами и друзьями тех отважных и упорных людей, которые работают на заводах и в колхозах, которые в глухой тайге строят большие города и проводят каналы в пустыне...

Геологические экспедиции, наблюдатели заповедника, топографы, проходившие через наш район, встречали в Турграде теплый и дружеский прием, и даже в этом чувствовалось, что наши туристы живут одним дыханием со всей страной.

На следующий год, начиная работу на новом маршруте, мы припомнили традиции Турграда и перенесли их сюда. В горах, уже в другом районе, появился новый Турград. Инструкторы рассказали первым туристам о прошлогоднем Турграде, и новые наши друзья продолжали развивать и укреплять славные туристские традиции.

Немало приходилось наблюдать нам чудесных превращений, которые совершали эти, казалось бы, мелочи внешнего порядка. Взятые в общем объеме, в сочетании со всем остальным, что совершалось в лагере и на маршруте, они внесли большой вклад в дело рождения и укрепления туристских коллективов.

Традиции коллективизма находили яркое отражение в поступках людей. В день десятилетия вступления в семью советских республик Латвии и Литвы русские туристы поднялись на рассвете, чтобы подарить туристам из Прибалтики дружеский сюрприз: украсить лагерь. И в семь часов, когда раздался сигнал подъема и ничего не подозревавшие литовцы и латыши выбежали из своих комнат на зарядку, здания, веранды и даже мачта флага были увешаны зелеными гирляндами.

Когда на долю туристов выпадали испытания в походах, эти традиции коллективизма расцветали особенно ярко.

К нам на маршрут приехала из Осетии Тамара Токаева. Это была хрупкая на вид девушка, не отличавшаяся большой физической силой. Но в походе инструктору много раз

приходилось отбирать у нее груз, который она тайком вытаскивала из рюкзаков устававших товарищей и запиховала в свой мешок. Ростовчанка туристка Елена Дедкова, врач по профессии, шла всю ночь с отрядом товарищей, освещавших себе путь электрическими фонариками, чтобы возможно скорее оказать помощь заболевшей в горах туристке. Преподаватель физкультуры из Тамбова в тяжелом походе стал душой группы, помогая отставшим товарищам... Сотни людей в будничной обстановке походов совершали благородные поступки как что-то для себя обычное, повседневное.

Так создавался стиль коллектива.

Основным признаком правильного стиля в коллективе А.С. Макаренко считал ощущение всем коллективом и каждым его отдельным членом чувства собственного достоинства.

«Это, конечно, нельзя сделать в один день. Эта уверенность в своем собственном лице вытекает из представления о ценности своего коллектива, из гордости за свой коллектив», — пишет Антон Семенович. (*Макаренко А.С., Избранные педагогические произведения, Учпедгиз, 1946, стр. 149*).

Указывая на необходимость создания нужного тона и накопления традиций, А.С. Макаренко говорит о важности еще одного качества, которое помогает каждому члену коллектива уважать коллектив, ценить своих товарищей и гордиться ими, — об идее защищенности.

Член коллектива чувствует локоть товарища, знает, что в любую трудную минуту коллектив ему всегда окажет помощь и поддержку, не даст в обиду как вне, так и в самом коллективе. В крепком и дружном коллективе такая атмосфера создается, как правило, сама собой, но это не значит, что руководитель коллектива должен предоставить все самотеку.

Как-то в одной из наших групп произошло столкновение между двумя туристами. Причина его была, собственно говоря, пустяковая. Одна из девушек, сильно уставшая во время трудного похода, почувствовала себя неважно. Она не жаловалась, шла молча, не желая беспокоить и задерживать товарищей. Инструктор, поняв, что она устала, разгрузил ее, замедлил темп движения. Идти ей стало легче, но все-таки, придя на место ночевки, она бессильно опустила на траву, прислонившись к шершавому стволу пихты. Обычно веселая и бойкая, девушка сейчас притихла.

Устроив ее получше, руководитель группы пошел проследить за установкой палаток. В это время один из туристов, увидев одинокую фигуру, прилегшую у корней дерева, неожиданно рассердился на девушку, вообразив, что она уклоняется от общих дел.

Издали инструктор услышал громкие негодующие слова туриста, обращенные к девушке, и поспешил к месту происшествия. Но его опередили. Туристы дружно дали отпор крикуну. В одну минуту он был окружен товарищами и растерянно отбивался от сыпавшихся на него со всех сторон упреков. Конфликт был быстро ликвидирован.

Инструктор должен замечать такие движения коллектива и уметь притормаживать или активизировать их.

Чувство защищенности определяет необходимое единство спортивного коллектива.

«Это единство коллектива в особенности должно проявляться во время общих авральных работ, штурмов, общей большой борьбы, — пишет А.С. Макаренко. — В эти минуты никогда не нужно вспоминать никаких грехов и проступков отдельных товарищей». (*Макаренко А.С., Педагогические сочинения, АПН РСФСР, 1948, стр. 188*).

В недавно напечатанной повести Юрия Трифонова «Студенты» есть такой эпизод. Один из героев повести Сергей Палавин, студент педагогического института, своим недостойным поведением противопоставил себя товарищам, оторвался от коллектива. Друзья сурово осудили Сергея, раскрыв перед ним всю неприглядность его поступка. Палавин почувствовал тяжесть своей вины. Он решил, что товарищи отказались от него и ему никогда не удастся восстановить себя в их глазах.

Но в одном из волейбольных состязаний со студентами другого института команда, в

которой прежде играл Сергей, оказалась в трудном положении — из строя выбыл лучший игрок. Сергей вызвался заменить выбывшего. Товарищи охотно приняли это предложение, ни одним словом не напомнив о его прежнем поведении. Это не было хватанием за соломинку и безразличием к выбору средств — «лишь бы выиграть»: друзья оказали доверие Сергею, понимая, как оно нужно ему в минуту, когда он переживал свою вину перед коллективом. И Сергей оправдал доверие товарищей. Команда победила. Этот эпизод оказал большое влияние на Сергея, помог ему найти дорогу к исправлению.

А вот пример из нашей туристской практики. В походе к озеру Кардывач одна из туристок неожиданно «взбунтовалась», отказавшись подчиниться распоряжению руководителя группы, хотя справедливость и интересы всей группы требовали, чтобы она выполнила указание инструктора.

Товарищи возмутились ее поведением. Всю дорогу попытки этой туристки завязать разговор встречали дружный бойкот. Общее собрание постановило исключить туристку из группы и считать ее лишь случайным попутчиком. Воля коллектива тут действовала сурово и решительно.

Мы вышли в обратный путь. Но в дороге произошло несчастье: староста группы тяжело заболел. До лагеря оставалось более суток пути, тропинка шла по лесистому горному хребту, где подъемы чередовались со спусками. Заболевший не мог идти. Инструктор решил выслать в лагерь вперед связных с просьбой к дежурному инструктору обеспечить врачебную помощь. Две девушки быстрым и легким шагом поднялись по склону и исчезли в лесу.

Солнце склонялось к западу. До наступления темноты нужно было взять последний, лежащий на пути перевал и выйти к реке, где мы предполагали устроить ночлег. Это значительно облегчило бы выполнение задачи аварийной группе, которая должна была выйти навстречу нам из лагеря.

Быстро соорудив подобие носилок и уложив на них заболевшего, мы тронулись в путь. Идти было очень трудно. Узкая горная тропа, подъемы и спуски замедляли продвижение носильщиков. Кроме того, у больного поднялась температура и начался бред.

В создавшейся напряженной обстановке все туристы проявили замечательную выдержку, терпение, находчивость. Заботливо поддерживая больного товарища, ласково успокаивая его, они двигались вперед.

И наша «нарушительница» в этот трудный момент потянулась к группе. Она, пожалуй, больше всех хлопотала около заболевшего, помогала нести больного, первая бросалась выполнять все распоряжения инструктора. Видно было, что она стремится оправдать себя в глазах группы, загладить свою вину перед товарищами.

Никто из туристов ни одним словом не напомнил туристке о ее проступке, совершенном накануне. В авральной обстановке проявились сами собой прочность и единство коллектива, его сплоченность и верность туристским традициям.

К вечеру мы благополучно добрались до реки. Крепкий горячий чай и спокойная мягкая постель в хорошо натянутой палатке принесли облегчение больному, он заснул. «Нарушительница» осталась дежурить около него.

Через час, когда уже окончательно стемнело, хлынул проливной дождь, началась гроза. После полуночи к нашему костру подошел аварийный отряд — три инструктора и женщина-врач. В темноте, в ливень и грозу, по грязной тропе, крутившей то по берегу бурного потока, то в густом лесу, друзья пробились к больному. Ему была оказана помощь на месте. Этот турист, наверное, до сих пор с уважением и благодарностью вспоминает своих товарищей по походу к озеру Кардывач.

Если в коллективе царит атмосфера единства, товарищества, взаимопомощи, то у его членов всегда будет иметься то чувство собственного достоинства, о котором говорил А.С. Макаренко. Это чувство поможет члену коллектива сдерживать себя в нужный момент, согласовывать свои интересы с интересами коллектива. Особенно это важно в трудном

походе, где хорошее настроение нередко подвергается серьезному испытанию и нужно вырабатывать в себе большую волю, чтобы спокойно ориентироваться в создавшейся обстановке и уметь владеть своими чувствами.

Все эти вместе взятые качества коллектива, нужный тон и стиль, укрепленные прочными традициями, дополняются еще одним нужным качеством — внешними нормами поведения. Настоящий стиль мы представляли себе как четкость, подтянутость, организованность и определенность во всех проявлениях лагерной жизни, начиная с выхода на зарядку и явки в столовую и кончая содержанием проводимых с туристами занятий.

Само соблюдение режима уже ставило туристов в такие рамки, в которых ясно ощущалась целесообразность стоящих перед ними задач и ликвидировалось ощущение уходящего даром времени.

Не менее важным элементом стиля является стройная и красивая спортивная форма, в которую облекались и занятия и отдых туристов. Четкое построение на занятие, движение к месту сложных занятий в строю, гибкой и подвижной туристской цепочкой, ежедневные торжественные линейки с подъемом флага, рапорты инструкторов групп дежурному инструктору — все эти элементы строя создавали атмосферу подтянутости, вносили своеобразную эстетику в лагерную жизнь.

Не сразу находили мы эти формы. Например, на рапорты мы обратили особое внимание после такого случая.

Один из инструкторов проводил вступительную беседу с группой новичков в туристском кабинете, стены которого были увешаны видами Кавказа. За окном синели горные цепи. Все подчеркивало необычность обстановки.

Перед новичками сидел представитель и хозяин этого пестрого и интересного мира — темноволосый, крепкий юноша с загорелым лицом, в клетчатой ковбойке, ловко облежавшей его мускулистое тело. Он говорил об увлекательных походах, о событиях, похожих на эпизоды из приключенческих романов. И рассказчик и слушатели были явно увлечены беседой. Заслушавшись, новички не заметили легкого скрипа отворившейся двери. Но они удивились, как резко изменилось выражение лица и само поведение инструктора. Он сразу сделался серьезным, встал, вытянулся. Новички, растерянно оглянувшись, тоже начали подниматься со стульев. В дверях стоял невысокий плотный человек в белом костюме.

— Товарищ начальник лагеря, — отрапортовал инструктор. — Группа вновь прибывших туристов в количестве двадцати пяти человек слушает вступительную беседу...

— Хорошо, садитесь, товарищи, — обратился начальник к туристам.

Беседа продолжалась. Атмосфера прежней непосредственности и увлечения была быстро восстановлена. Но с этого момента новички прониклись не только интересом, но и глубоким уважением ко всему происходящему в лагере, осознали мужественную и собранную красоту дисциплины, организованности.

Рапорт этот длился всего секунды три, и в течение этих секунд с людьми что-то произошло. Беседа инструктора теперь воспринималась живее, горячее. Инструктор не говорил о пользе строевых элементов во время занятий, а был только такой трехсекундный рапорт — и сама обстановка этого рапорта объяснила туристам многое, так как это была сама жизнь.

Форма рапорта производила большое действие, особенно на туристов—педагогов с большим жизненным и педагогическим опытом, которые в своей практике, видимо, подошли к пониманию важности подобных форм организации. А молодежь, привыкшая к физической культуре, к спорту, сразу попадала в привычную атмосферу подтянутости и сильно ею увлекалась.

Элементы строевого порядка, элементы строгой походной дисциплины в сочетании с режимом были необходимым звеном в нашей работе. В создании прочного спортивного

коллектива эти элементы играют большую роль. Тут важно только не перегнуть, не превратить их в «шагистику», в «муштру».

Пусть не создается у читателя впечатления, что мы считаем свою деятельность инструкторов–общественников непогрешимой. Нет, это далеко не так. В ряде случаев мы ошибались, иногда терпели неудачи.

Но мало этого признания. Мы хотим указать на ту причину, которая часто приводила к печальному результату. Нам кажется, что давно пора рассеять одно заблуждение, принесшее на практике немало вреда, заблуждение, во власти которого находятся некоторые педагоги-теоретики.

Часто можно слышать: «Такой-то педагог использует методы Макаренко, а такой-то пренебрегает ими...» Вот и создается впечатление, что советская педагогическая наука — сама по себе, а пресловутые «методы Макаренко» — сами по себе. Это глубоко ошибочная, вредная точка зрения. Она только запутывает многих молодых практических работников.

Очень сильно эта точка зрения повредила и нам. Иногда кое-кто из нас пытался бездумно скопировать ту или иную форму работы, использовавшуюся А.С. Макаренко, забывая о том, что труды А.С. Макаренко ценны не как сборник рецептов форм работы, а тем, что в них разработаны многие принципиальные вопросы теории методики воспитания.

Позволит себе, например, инструктор крикливо-командирский тон, формально основываясь на системе подчинения, элементах строя, внешних формах воинской дисциплины, существовавших в колониях, где работал А.С.Макаренко, не вникнув в то, что в основе дисциплины (внутренней и внешней) лежит требование, совмещенное с уважением к человеку, целесообразность той или иной формы его выражения, — и вот уже срыв, неудача... Мы убедились на практике, как точно разработаны А.С. Макаренко теоретические основы дисциплины. Мы поняли, что строжайшее требование совершенно необходимо в педагогической деятельности инструктора, но формы его выражения всегда должны определяться жизненной целесообразностью.

Сама жизнь убедила нас, что А.С. Макаренко является одним из творцов теории методики коммунистического воспитания. И тот, кто прямо или завуалированно противопоставляет «методы Макаренко» советской педагогике, является или человеком невежественным или «теоретиком», оторванным от жизни. Это наше глубочайшее убеждение, к которому мы пришли дорогой ценой ошибок, неудач и длительных поисков.

«Вот эти нормы внешнего поведения не имеют смысла, если нет и не воспитывается общий определенный стиль, — говорит А.С. Макаренко, — и там, где захотели бы ввести такую внешность, не воспитывая ни способности ориентироваться, ни способности торможения, ни ответственности, ни честности в работе, ни единоначальной ответственности, ни идеи защищенности, — там, конечно, такой внешней формы не будет, иначе говоря, она будет работать впустую. И только там, где есть общий стиль, построенный на постоянном коллективном движении, гам, конечно, форма внешней вежливости, может быть несколько напоминающая военизацию, но в общем не выходящая даже за принцип пионерского движения, там она необходима, полезна и чрезвычайно украшает коллектив. А украшая коллектив, она уже производит повторное, обратное действие, она уже делает коллектив притягательным с эстетической стороны. Приходя к эстетике как к результатам стиля, как к показателю стиля, мы эту эстетику потом начинаем рассматривать и как фактор сам по себе воспитывающий...» (Макаренко А.С., *Избранные педагогические произведения*, Учпедгиз, 1946, стр. 153).

СИЛА КОЛЛЕКТИВА

Многодневный поход большой группы, состоявшей из не знакомых до того людей, был

трудным. У каждого в рюкзаке лежал семидневный запас продуктов.

Во время первого привала произошел довольно неприятный случай: когда мы уже совсем собрались, чтобы тронуться дальше, на траве остались буханка хлеба, пачка с сахаром, колбаса. Инструктор спросил, чьи это вещи, но все молчали.

Инструктор не был удивлен тем, что никто не откликнулся на его вопрос. Когда группа остановилась на привал, завхоз попросил достать из мешков сахар, хлеб, колбасу. Несколько человек сделали это, и, когда после завтрака часть продуктов осталась нетронутой, трудно было сказать, чьи они.

Но вот почему ни одна рука не протянулась за оставшимся? Это можно было объяснить только недостаточной организованностью группы. В таких случаях неприятно читать нотации о взаимопомощи, лучше искать иной путь. Инструктор решил не торопиться с объяснениями. Он поднял с земли оставшиеся продукты и с трудом втиснул их в свой рюкзак, доверху заполненный вещами.

А пока он проверял, как туристы собираются в путь, кто-то из участников похода подошел к его рюкзаку и переложил вещи к себе. Инструктор случайно заметил это, но ничего не сказал.

На следующем привале история повторилась: после еды остались продукты, и никто не знал, чьи они. Инструктор молча засунул их в свой мешок. На этот раз он сознательно отошел в сторону и «сердобольные» туристы вновь отобрали у него лишний груз.

Когда к концу дня под перевалом инструктор, укладывая свой мешок, хотел сунуть в рюкзак половину чужой буханки, поднялись громкие протесты.

— Начальник похода так не должен поступать, — шумели туристы, — это не педагогично, каждый сам должен нести свой груз.

Да, конечно! Туристы были правы: забирать себе чужой груз начальник похода не должен. Но в данном случае инструктор делал это, стремясь наметить правильную линию своего поведения.

Инструктор выслушал все до конца и затем сказал:

— Вот что, друзья! Если бы я нес все то, что оставалось на лужайках, мне бы не сдобровать. Весь «секрет» заключается в том, что эти вещи несете вы же сами. Но происходит это каким-то странным способом. Сначала я должен засунуть вещи в свой рюкзак, потом вы украдкой вытаскиваете их и складываете в свои мешки. Не проще ли сразу взять «забытые» вещи и сложить в свой рюкзак...

Все засмеялись. Это был какой-то переломный момент. Туристы стали поступать совершенно по-иному, чем в начале похода. Вот юноша отнимает консервные банки у девушки:

— Ты устала, дай их мне.

— Ничего подобного, — возмущается девушка, — банки останутся у меня.

Туристы стали считать честью для себя взять груз у товарища, уставшего от перехода, нести больше, чем другие.

Эти случаи показывают, как велика воспитывающая сила туристского похода. Подобные же примеры взаимопомощи, товарищеской выручки можно встретить в любом виде спорта. Инструктор обязан всячески воспитывать в людях чувство коллективизма, товарищества.

М.И. Калинин подчеркивает, как важно всячески развивать чувство коллективизма, суметь увидеть в практических делах его черты.

«Не требуется особо доказывать, что внедрение коллективности должно занимать видное место в коммунистическом воспитании, — говорит М. И. Калинин. — Я имею в виду здесь не теоретические основы коллективизма, а внедрение в производство, в быт, в жизнь общественных навыков, создание таких условий, при которых коллективность составляла бы неотъемлемую часть наших привычек, норм поведения, чтобы действия эти совершались не только обдуманно, сознательно, а вытекали инстинктивно, органически». (Калинин М.И., О

коммунистическом воспитании и обучении, АПН РСФСР, 1948, стр. 65).

«Коллективность в практической жизни нашего общества играет большую роль, ибо она зиждется на базе коллективизма. Мы противопоставляем капиталистическому обществу коллективизм — коммунизм, убежденные в его огромном превосходстве. От успешности внедрения коллективных навыков в производстве, общественной жизни и быту зависит в значительной степени и успешность коммунистического строительства» (*Калинин М.И., О коммунистическом воспитании и обучении, АПН РСФСР, 1948, стр. 66).*

«Таким образом, даже такое сложное дело как воспитание коллективности, чтобы быть наиболее эффективным, должно приспосабливаться к практической работе. Иначе говоря, воспитание коллективности должно проводиться конкретно. Разъясняя смысл того или другого практического процесса, воспитатель одновременно обогащается сам практическим материалом для своего собственного теоретического развития». (*Калинин М.И., О коммунистическом воспитании и обучении, АПН РСФСР, 1948, стр. 67).*

В эпизоде, с которого мы начали эту главу, обнаружилась важная черта воспитательной работы инструктора: он должен привлечь себе в союзники коллектив. Тогда он может рассчитывать на успех.

Однажды мы занимались с группой туристов техникой преодоления снежников на склоне Бадукского ущелья в районе Теберды. Старший инструктор вышел на снег, чтобы показать, с какой скоростью начнет скользить вниз упавший здесь человек.

И вот тогда внезапно он увидел за своей спиной высоко на снежном, очень крутом склоне участка занятий Николая С. В руках у него была только палка. Инструктору стало ясно, какой опасности подвергнулся Николай: внизу снег обрывался на острых камнях, а палка была плохим помощником там, куда он забрался.

Старший инструктор приказал Николаю немедленно сойти на боковые скалы. Но не так-то просто, оказалось заставить его подчиниться.

Николай был из группы молодого инструктора Левы. В последнее время мы заметили в Лева нечто новое: он стал самостоятельнее, строже с людьми, стремясь уберечь их от возможных аварий. И все же ему не хватало чего-то трудно определимого, той особой ясности и простоты, которые заставляют верить и подчиняться инструктору безоговорочно. И, должно быть, это сказалось в его отношениях с Николаем. Однажды у Левы уже произошла с ним на зеленых лужайках шумная стычка: Николай грубо нарушил традиции туристов, отказался следовать указаниям инструктора. Лева исключил Николая из группы, но туристы вежливо попросили молодого инструктора вернуть его в коллектив. И вот теперь история опять повторялась в более опасной обстановке.

Глубокое возмущение охватило старшего инструктора. На груди Николая красовался значок альпиниста, и он не мог не знать опасностей падения на снегу. Но, видимо, он надеялся на свою силу.

Тон голоса старшего инструктора, наконец, заставил Николая убраться на скалы. Но этого инструктору было сейчас мало.

— Идите сюда, — приказал он Николаю, — вы хотите сглизировать по этому склону. Сейчас я доставлю вам это удовольствие.

Старший инструктор выбрал безопасный участок склона, оканчивавшийся чашеобразным углублением в снегу. Лева, без слов поняв в чем дело, мгновенно соскользнул вниз и, выбив ступеньки, встал на страховку.

Выбирая подходящее место спуска для Николая, старший инструктор неожиданно поскользнулся, но тут же выпрямился с помощью ледоруба. И все же внизу Лева резким прыжком метнулся туда, где должен был бы очутиться человек в случае падения. Туристы, сидевшие на скалах, с напряжением следили за происходящим, и старший инструктор знал, что сейчас каждая мелочь должна быть использована не только для обучения технике горных походов, но и для воспитания людей.

— Видели? — спросил он, кивая на Леву, — даже если бы я и упал, даже если бы

потерял сознание, ничего бы со мной не случилось, — он помедлил и подчеркнуто сказал, — не случилось бы потому, что у меня хороший товарищ...

Он знал, что это резкое движение Левы — казалось бы, крошечная деталь — лучше, полнее, чем длинная лекция объяснит людям ту особую атмосферу подлинной дружбы и товарищества, которые возникают между советскими спортсменами в горах и без которых нельзя себе представить ни туризма, ни альпинизма в нашей стране.

Николай быстро выскочил на снег туда, куда ему было указано. И здесь он остановился в нерешительности. Именно сейчас, когда надо было скользнуть вниз, он, вероятно впервые, почувствовал, как крут склон, тверд снег и как непрочна палка — единственное орудие, которое должно было помочь ему сохранять равновесие и управлять спуском.

— Начинайте же, — резко приказал старший инструктор.

Все произошло в какие-нибудь пять-шесть секунд: Николай стремительно заскользил вниз, палка почти не тормозила на твердом фирне, он поскользнулся, упал, перевернулся на живот... Николай попытался употребить всю свою силу, чтобы задержаться, и все же беспомощно летел вниз. Лева бросился вперед, поймал скользящего все с большей скоростью Николая и своим телом придавил его к снегу. И вот они уже стоят внизу, тяжело дыша, и мокрые, осыпанные льдистыми крупинками, отряхивают одежду.

Старший инструктор повернулся к замершим туристам.

— Поняли? — спокойно спросил он.

— Поняли, поняли, — зашумели юноши и девушки.

Значительно позднее мы внимательно проанализировали происшедшее, и тогда нам стало ясно, что там в горах произошли очень интересные вещи, внутренний смысл которых мы, к сожалению, поняли далеко не сразу.

Наблюдение, которое мы тогда сделали, заключалось в том, что после занятий на снегу Николаю пришлось несладко от своих товарищей. Все участники группы теперь были настроены резко против него и поддерживали инструктора. Леве стало незачем принимать какие-то репрессивные меры, роль воспитателей взяли на себя участники группы. Коллектив стал помогать инструктору.

Это очень важно, может быть, даже самое важное: коллектив должен помогать инструктору в его воспитательной, педагогической деятельности. Именно в этом случае работа воспитателя становится математически точной и наиболее организованной.

Но как же следует поступать инструктору, чтобы привлечь себе на помощь коллектив?

Анализируя все тот же случай на снежном склоне, мы наметили линию поведения инструктора для того, чтобы сделать коллектив своим помощником в воспитательной, педагогической работе.

Вот этот анализ. Вначале молодой инструктор Лева поступил очень решительно с недисциплинированным членом группы и вызвал этим протест туристов, выраженный в мягких формах, — туристы просили не исключать Николая. Но тем не менее, это было выражением решительного несогласия с инструктором. Инструктор сказал: «Исключить», а туристы очень вежливо, но настойчиво говорили: «А мы просим оставить...»

Но высоко в горах на снежном склоне и инструкторы и туристы оказались одинаково резко настроенными по отношению к нарушителю дисциплины.

Почему же так изменилась позиция туристов?

Да очень просто: старший инструктор поставил Николая в такие условия, когда сама жизнь показала туристам правоту руководителя занятий. И тогда они тотчас взяли сторону инструкторов.

Руководитель коллектива должен всегда так строить свою работу, чтобы ход событий подтвердил его правоту. Тогда он будет пользоваться авторитетом в своей группе или секции, сможет успешно вести организационную работу. Такому инструктору будут верить, уважать его, охотно выполнять его указания.

До тех пор, пока инструктору приходится убеждать, опираясь только на словесные

доказательства, он должен действовать осторожно, осмотрительно, так как ходом событий всегда может быть поставлен перед фактом скрытого или открытого несогласия с ним. Тогда инструктор должен постараться изменить ход событий так, чтобы сама жизнь показала его правоту.

Это было очередное наше «открытие», и оно принесло много пользы.

Уметь найти подтверждение жизнью своих указаний, своей линии поведения инструктор, тренер, руководитель секции может в любом виде спорта. Тренер футбольной команды обязан увидеть и проанализировать, например, пренебрежение игроком тактикой коллективных действий. Капитан волейбольной команды может показать игрокам, к чему ведет суетливость на площадке, нарушение дисциплины. Тренер по лыжному спорту, проанализировав неправильное расходование сил лыжником на дистанции, разъяснит ему причину этого.

Для вдумчивого инструктора-педагога этот путь открывает широкие горизонты в воспитательной работе, помогает точно рассчитывать каждый свой шаг. Умение анализировать свои поступки, жизнь физкультурного коллектива, довольствоваться не только случайными педагогическими находками, но идти вперед с ясным пониманием того, почему выбран именно данный путь, — ценнейшее качество инструктора, тренера.

Инструктор должен научиться не только привлекать коллектив себе в союзники, но и умело пользоваться силой его воздействия.

В нашей практике был такой случай. Две подруги в группе туристов держались обособленно. Во время однодневного похода они то уходили вперед, то отставали и, наконец, остались вдвоем купаться в реке, в то время как остальные подходили уже к лагерю. Здесь туристы решили подождать подруг: неудобно было возвращаться без них. Староста группы послал за девушками одну из туристок. Но и это не помогло. Подруги демонстративно держались в стороне от всех, восстановив против себя участников группы.

Инструктор не знал, как ему быть. Наконец, он решил обсудить поведение девушек на собрании туристов. Собрание было бурным. Все резко осуждали поведение двух подруг и решили исключить их из группы. А они сидели угрюмые, замкнутые и совершенно не желали признать за собой вины.

Но на другой день девушки пришли в слезах к старшему инструктору и просили разрешить им участвовать в многодневном зачетном походе. Старший инструктор вызвал инструктора группы и спросил:

— Сможешь ли ты взять их в поход?

— Нет, — ответил инструктор, — с ними никто не желает иметь дела.

— Это очень легкий путь, — возразил старший инструктор. — Пользоваться силой коллектива для того, чтобы исключать, можно только в особых случаях, когда это абсолютно необходимо. Главная же задача — воспитывать с помощью коллектива. Твоя обязанность как инструктора попробовать включить в действие воспитательную силу коллектива. Сейчас единолично решать вопрос тебе нельзя. Надо спросить мнения всех: можно ли разрешить им участвовать в походе?

Снова подруги пришли на общее собрание членов туристской группы. Они отвечали уклончиво на общее требование сказать, покончат ли они со своим индивидуалистическим отношением к коллективу, к товарищам. И тогда туристы заявили:

— Нет, мы не хотим брать их с собой в поход.

Инструктор пытался уговорить туристов, он считал, что девушки поймут свои ошибки, изменят поведение.

— Мы им не верим, — отвечали инструктору, — они говорят не искренно, и чувствуется, что в душе не согласны с нами. Мы не хотим их принимать в свой коллектив...

Инструктор сказал своему руководителю:

— Ничего не выходит. Туристы отказываются принимать их в группу.

— Вот теперь, — сказал старший инструктор, — настало время решительно вмешаться

и распорядиться взять обеих девушек в поход. Скажи, что ты убежден, что они исправятся. Девушки не могли теперь не понять, что значит оказаться в положении человека, осужденного коллективом. Взяв их в поход, ты как педагог выигрываешь дважды: обе девушки теперь будут выполнять все твои указания, потому что ты ведь поручился за них, поверил в них, с уважением отнесся к их желанию войти в коллектив. Это первый выигрыш. А второй заключается в том, что ты не отгородишь их от коллектива, исключив из группы, а сохранишь влияние на них коллектива, взяв их в поход. Это влияние теперь будет очень сильным: девушки убедились, как последователен и требователен коллектив. Все дело только в том, чтобы они не воображали, что благодаря твоей поддержке они оказались сильнее коллектива. Но это твоя обязанность инструктора показать им, что коллектив для них — главное.

Этот случай еще и еще раз показал нам, как сложно бывает молодому инструктору правильно использовать воспитательную силу коллектива. Но только так, всегда стремясь целиком использовать силу коллективного воздействия на человека, должен работать инструктор.

Здесь весьма уместно сказать несколько слов о так называемом «индивидуальном подходе». Иногда это понимается как нечто противоположное воспитанию в коллективе. Это крупная ошибка. Конечно, инструктор обязан изучать людей, с которыми он работает. Но это изучение нужно не столько для нравоучительных или «задушевных» бесед, сколько для того, чтобы возбудить требование коллектива к личности. Это и есть индивидуальный подход. Вот что говорит об этом А.С. Макаренко:

«Мы считаем, что влияние отдельной личности на отдельную личность есть фактор узкий и ограниченный. Объектом нашего воспитания мы считаем целый коллектив и по адресу коллектива направляем организованное педагогическое влияние. Мы при этом уверены, что самой реальной формой работы по отношению к личности является удержание личности в коллективе... Коллектив является воспитателем личности. Педагогическая установка... в общем формулируется так... создание правильного коллектива, создание правильного влияния коллектива на личность». (Макаренко А.С., *Избранные педагогические сочинения, АПН РСФСР, 1949, книга 4, стр. 188*).

Сила воздействия коллектива, сила традиций ко многому обязывает инструктора, тренера, руководителя туристского похода. Показательно, что в приведенном случае инструктору не только не пришлось активизировать воздействие коллектива на личность, но, наоборот, сдерживать коллектив, взять в каком-то смысле под свою защиту двух девушек, не умевших жить в дружбе с товарищами. Инструктор никогда не должен забывать о своей роли руководителя коллектива.

В одном из наших походов вместе с новичками участвовала альпинистка — молодая, жизнерадостная девушка. Она знала горы, прошла здесь замечательную школу коллективизма. В нашем походе она была образцовым товарищем, помогала уставшим, готовила завтраки и обеды. Инструктор, наблюдая за ней, решил: «Очень хорошо, на нее можно положиться, с ней все в порядке».

Но эта успокоенность инструктора была неправильной. Девушка отбирала у подруг груз, стремясь облегчить их рюкзаки. Иногда она тайком запихивала в свой мешок то консервную банку, то буханку хлеба. Инструктор и ее товарищи не обращали внимания на то, что она несет груз много больше остальных, перенапрягается. Окончилось это тем, что девушка почувствовала себя плохо. Только тогда инструктор спохватился и понял, что совершил оплошность.

Взаимоотношения инструктора, тренера с коллективом, границы вмешательства тренера и инструктора в жизнь коллектива — тоже не изученный, но важный вопрос.

Мы в своей практике четко поняли, что в деятельности инструктора, тренера возможны и в действительности бывают такие случаи, когда он должен пойти против неправильных настроений коллектива, решительно и резко высказать свое несогласие с вредным течением

в коллективе.

В туристском походе в горах, где новички оказываются оторванными от крупных коллективов, где трудный путь часто сопряжен с опасностью, неправильные тенденции в коллективе возникают нередко. И в этом случае инструктор должен выступить очень решительно и, в конечном счете, опять-таки привлечь себе в союзники коллектив в целом. В воспитательной работе это подчас имеет огромное значение.

Подобные ситуации возникают и в спортивной команде, в тренерской группе.

Не может быть хорошего руководителя спортивного коллектива, который не обращался бы за помощью к коммунистам и комсомольцам как передовым людям коллектива.

Огромная забота, уделяемая партией и комсомолом коммунистическому воспитанию молодежи, и в частности спортсменов, находила свое проявление и в нашей инструкторской работе. С горячей признательностью вспоминаешь о тех скромных рядовых коммунистах и комсомольцах, прошедших через наш маршрут, которые, приняв на себя ответственное звание политрука группы, на протяжении всего похода совместно, с нами, инструкторами, руководили жизнью групп.

Они видели, какое большое значение имеет туризм в воспитании смелых, выносливых, знающих и горячо любящих свою родину людей, настоящих коллективистов. Именно они — коммунисты и комсомольцы туристской группы — были всегда застрельщиками и запевалами в любом деле: они умело помогали инструктору создать в группе нужный стиль и тон, они хранили и передавали традиции и активно участвовали в разрешении самых серьезных и неожиданных проблем, которыми так богата лагерная жизнь.

Первой и самой нужной традицией, возникшей на нашем маршруте, были собрания группы для решения важных вопросов. Как уже говорилось, инструкторы пользовались у туристов, как правило, непререкаемым авторитетом. Поэтому роль инициатора созыва группового собрания принимал на себя обычно инструктор, посоветовавшись предварительно с партийно-комсомольским активом группы. Но как только участники собрания рассаживались на свои места, хозяином становилось собрание. И не было случая, чтобы трудный вопрос не был решен таким собранием быстро и верно.

Групповое собрание, направляемое партийно-комсомольским ядром группы, всегда было умным, внимательным и строгим хозяином. Если инструктор в своей работе допускал какие-нибудь неполадки, собрание указывало ему на это; если же и в дальнейшем инструктор не справлялся с делом, то терял уважение и авторитет в группе и не мог больше ею руководить.

Нарушителей дисциплины, людей, проявивших в походе скверные, аморальные черты, собрание осуждало беспощадно.

Коллектив объединяет людей не только в общей цели и в общем труде, но и в организации этого труда. Если такая организация отсутствует, бесполезно говорить о целях и требованиях — никакого коллектива не будет. И, разумеется, в первые же дни работы мы столкнулись с проблемой организации наших коллективов.

Здесь-то и пришлось нам на деле убедиться в важности создания ядра коллектива — главной опоры руководителя коллектива. Прежде всего мы обращались за помощью к коммунистам и комсомольцам в группах и совместно с ними в первый же день выделяли в группе старосту и политрука. Затем туристы выдвигали из своей среды еще ряд общественных руководителей. Так в группе намечался костяк, вокруг которого сплачивались остальные туристы.

Созданию актива в значительной степени помогал принцип самостоятельности действий туристов, который мы усиленно проводили в жизнь. Этот принцип очень прост: мы предоставляли группе максимальную свободу действий на занятиях и в походе, направляя и руководя людьми так, чтобы не подавлять их инициативы.

Туристы сами должны были навести переправу через реку, составить карту и нанести на нее маршрут группы, рассчитать количество продуктов, необходимое для похода.

Староста и политрук группы сами каждый день назначали дежурных, следили за ходом дежурства. На некоторых занятиях туристы, например, самостоятельно выбирали маршруты при подъеме к леднику или к перевалу, место привала или бивака. Конечно, инструктор в это время находился рядом, зорко следя за действиями новичков, готовый в любую минуту вмешаться и оказать помощь и поддержку.

Такая система занятий помогала нам прежде всего сделать их более интересными: одно дело, когда для тебя навели переправу, другое дело, когда ты ее собственными руками наладил. В других случаях интерес, создаваемый самостоятельностью, помогал коллективу справляться с технически трудными задачами.

Например, зачетные занятия по преодолению крутых травянистых склонов строились нами по принципу самостоятельного выбора маршрута туристами. Разбив группу на два или три отделения, инструктор предлагал командирам отделений наметить совместно с туристами маршрут преодоления склона. Затем каждая группа двигалась по своему маршруту. Место сбора назначалось общее для всех отделений, и занятия превращались в соревнование, в котором члены группы проверяли свое знание туристской техники, свою физическую подготовку, умение наметить правильный маршрут.

Таким образом, принцип самостоятельности давал возможность всем участникам группы по-настоящему овладеть туристской техникой, создавал стиль самостоятельности, инициативности всех членов коллектива.

Уже говорилось, что первым шагом в организации коллектива А.С. Макаренко считал решительное требование руководителя и организацию актива, ядра создаваемого коллектива.

Интересным примером создания такого актива и использования его в организации учебной работы явился опыт Всесоюзного учебно-тренировочного сбора туристов-новичков, проведенного сектором туризма ВЦСПС в 1951 году на озере Селигер.

Коллектив из туристов, участников сбора, был разбит на четыре отделения, во главе которых стояли старосты и прикрепленные к отделениям инструкторы. В зачетном походе ряд участников сбора с большой неохотой подчинялся требованию руководителя. Тогда было решено ввести звание исполняющего обязанности командира отделения.

Эту обязанность каждое утро приказом по сбору поручали одному из туристов каждого отделения. Их работа контролировалась инструкторами. Исполняющие обязанности командиров вели отделение, следили за порядком, руководили разбивкой бивака и т. д. Это сразу помогло выделить большой актив, дало участникам сбора практику руководства походом и очень помогло инструкторам в организации порядка и дисциплины, в работе по сплочению коллектива.

Актив туристских групп был для нас тем здоровым и необходимым в воспитательной работе резервом, о котором А.С. Макаренко говорил, что он обеспечивает преемственность поколений в коллективе, сохраняет его тон, стиль, традиции. Из этого резерва мы черпали не только помощь и поддержку, но и нередко пополняли ряды инструкторского состава, обеспечивали развитие туризма в тех местах, откуда к нам съезжались наши воспитанники. Из числа наших активистов вышло немало инструкторов и руководителей местных туристских секций.

Например, политрук первой группы Краснополянского лагеря, коммунистка Роза Булова, вернувшись из лагеря домой в Ростов-на-Дону, организовала на своем предприятии туристскую секцию, провела с туристами интересные лыжные агитпоходы по области. Староста одиннадцатой группы Борис Донской, закончив первый зачетный поход, предпочел дни отдыха на берегу Черного моря заменить вторым походом в горы в качестве помощника инструктора. Москвичи Николай Чернов и Валентина Ромадова, побывав на маршруте рядовыми туристами, стали здесь же на следующий год инструкторами. Так выковывались новые кадры.

Пример руководителя — великое дело в жизни коллектива. Самозабвенная подчас работа инструктора создавала им уважение и авторитет среди туристов. Трогательно было

видеть, например, как седовласый профессор математики с глубокой серьезностью и вниманием выслушивает объяснения о какой-нибудь «технической премудрости» навесной переправы, даваемые загорелым ясноглазым молодым инструктором — юношей или девушкой в традиционной туристской ковбойке.

Уважение и авторитет у туристов завоевывались нелегко; но, раз завоеванный, этот авторитет становился могучей силой в нашей работе.

М.И. Калинин говорит, что самым сильным средством завоевания руководителем у подчиненных авторитета является отличное знание дела и стремление сделать свой коллектив лучшим. Но тут же он подчеркивает: для того, чтобы вместе с авторитетом руководитель пользовался и любовью, ему надо быть в курсе всей жизни членов коллектива и «уметь своевременно исправить то место, где каждому из них жмет ногу».

Только большая внимательность и чуткость к людям, только настоящая человеческая забота о них давали инструкторам возможность уметь своевременно исправить то место, где тому или другому из туристов «жало ногу», и завоевать любовь и уважение.

Одна из туристских групп должна была самостоятельно пройти несколько десятков километров в диких горах. Староста группы спросил инструктора, с которым туристам предстояло расстаться, как надо завоевать авторитет, добиться беспрекословного подчинения всех. Инструктор без колебания ответил ему:

— Надо заботиться о каждом — утром, днем, вечером, в дождь, на переправах, везде, всегда... И вас будут любить, будут учиться у вас.

Забота о людях — одно из самых замечательных явлений в советском обществе — решает дело и у физкультурников, кто бы они ни были: туристы, лыжники, бегуны, футболисты...

Но что это значит для инструктора — заботиться о людях?

Мы наблюдали одного инструктора: он принес туристам ведро воды, развел костер, сварил кашу. Инструктор сказал нам:

— Пусть они видят, что мы о них заботимся...

Нет, это не забота — это нечто совсем противоположное. Люди, которых мы учили туризму, никогда не сидели сложа руки. Они учились, иногда с неудовольствием, носить тяжелые рюкзаки, одолевая скалы, переправляться через реку. Они обязаны были сварить вкусный суп, хотя это канительно, а не питаться холодными консервами. Палатка обкапывалась на случай дождя ровиком. И далеко не каждому хотелось все это проделывать. Но зато, когда туристы расставались с нами и уходили в самостоятельные походы, они уверенно преодолевали и бурные реки, и снежные «мостики», и крутые обрывы.

Принцип самостоятельности в нашей работе способствовал воспитанию любви к труду — неотъемлемой и важнейшей части коммунистического воспитания.

Советский труженик, где бы он ни работал, обладает замечательными качествами — делать свое дело основательно, добротнo, доводить начатое до конца; он любит труд, считает его самым главным в своей жизни. Вот эти-то качества мы и стремились развивать в наших туристах. И это можно делать при занятиях любым другим видом спорта.

Как-то в одном из походов появилась необходимость окопать палатки ровиками: приближалась гроза. Туристы проделали трудный дневной переход и попытались уклониться от дополнительной работы. Они не выразили открытого протеста, они просто сделали вид, что не расслышали или не поняли поручения.

Инструктор, не повторяя приказаний, сам взял ледоруб и начал обкапывать палатки. Он недолго оставался в одиночестве. Тут же несколько человек пришли ему на помощь. Не бросая работы и делая вид, что ничего не произошло, инструктор закончил вместе с туристами окопку палаток. Целесообразность этого мероприятия очень скоро была доказана хлынувшим ливнем.

Очень часто при сборах группы в поход можно было наблюдать такие картины. Турист-новичок, получив свою часть груза, с ожесточением начинает впихивать в рюкзак

все подряд, лишь бы быстрее отделаться от скучной работы. Очень скоро такой турист с горестным видом сидит перед безобразно раздутым рюкзаком и задумчиво вертит в руках буханку хлеба или банку консервов — не уместается, да и только!

Инструктор незаметно, со скрытым лукавством поглядывает на торопливого новичка. Но когда тот, измаявшись вконец, поднимает на своего командира недоумевающий взгляд, инструктор встречает этот немой вопрос с серьезным и деловитым видом.

— Что, уже уложили? — интересуется он.

В ответ турист вздыхает и начинает перечислять причины неудачи: тут и теснота рюкзака, и громоздкость продуктов, и большое количество лишней одежды, и многое другое.

— А вы попробуйте еще, — советует инструктор.

— Пробовал, не получается...

— Не может быть, чтобы не получилось. Смотрите, ваши товарищи уже кончают укладку.

Инструктор решительно подсаживается к туристу.

— Освободите рюкзак! — командует он.

— Да, но... я уже уложил. Мне вот только хлеб осталось приспособить...

Но инструктор неумолим. Скрепя сердце, новичок выгружает содержимое рюкзака.

Быстрые и умелые руки инструктора начинают размещать вещи. Одновременно читается коротенькая лекция о способах укладки. И через несколько минут турист убеждается, что в рюкзаке находит себе место не только злополучная буханка, но без всякого труда можно положить еще несколько предметов сверху, а рюкзак приобрел очень аккуратный вид.

Неприятности, которые приходилось перетерпеть неумелым или нерадивым туристам в первые дни, с лихвой окупались впоследствии замечательным чувством удовлетворения и гордости хорошо сделанным делом.

Именно это чувство испытывают дежурные, слушая одобрительные возгласы туристов по поводу хорошо сваренного обеда. Это же чувство угадывали мы в туристах, которые помогли нам закончить создание полосы препятствий для сдачи норм ГТО...

К нам иной раз попадали люди, не умевшие держать в руках топор и терявшиеся перед проблемой наматывания портянки, но к концу похода огромному большинству из них можно было смело поручить любое дело, связанное с походом. Так в дружном коллективе при умелом и вдумчивом руководстве люди воспитывали в себе радостное стремление хорошо выполнить любое дело.

Очень большую роль играет моральный облик инструктора, тренера, капитана команды. Авторитет инструктора, личное его обаяние — совершенно необходимый элемент воспитательной, педагогической работы.

Эти качества инструктора должны проявляться и во внутренней его убежденности, в искренности и принципиальности при решении любой самой острой проблемы и любого, казалось бы самого мелкого вопроса. Последовательность и принципиальность инструктора прежде всего привлекают к нему симпатии туристов.

Внешняя и внутренняя подтянутость, четкость, аккуратность в одежде, увлеченность своим делом — все это совершенно необходимые личные качества инструктора.

Инструктор, тренер никогда не должны забывать, что спорт — одно из важных средств коммунистического воспитания. В любом виде спорта инструктор и тренер — это прежде всего проводники коммунистической идеологии. Советский спорт, физическая культура позволяют на каждом шагу воспитывать в физкультурниках чувство советского патриотизма, любви к Родине.

Инструктор туризма должен заботиться не только о физическом развитии членов коллектива, группы. Помня о своей святой обязанности — воспитывать чувство советского патриотизма, инструктор должен использовать с этой целью замечательные возможности туристских походов. Для этого ему необходимо хорошо знать экономику, природу того

района, где путешествуют туристы.

Чтобы добиться уважения физкультурников, инструктор должен быть человеком политически грамотным, культурным, с широким горизонтом. Это поможет ему успешнее вести свою педагогическую деятельность, быстрее спланировать туристский коллектив, стать подлинным инструктором-воспитателем.

ПАФОС ИСТОРИЧЕСКОЙ БОРЬБЫ

Однажды в Турград пришла особенно дружная группа инструктора-комсомольца Володи Лежнева. Туристы проделали трудный путь на плато Лагонаки. Мы видели их внизу в долине и теперь многих не узнали: в них жила какая-то мужественная любовь друг к другу. И, едва придя в Турград, пересиливая усталость, они наполнили походный лагерь шумным, заражающим весельем. Казалось, что в этом коллективе все должно идти легко и гладко.

Но поздним вечером собрались коммунисты. Нас пригласили на это своеобразное собрание. Только что вместе со всеми веселились эти пять молодых членов партии — рабочий, два педагога, служащий и студент. Сейчас они были строги и спокойны. На собрание были вызваны также инструктор и одна из туристок Нина К.

Председатель объяснил: комсомолка Нина К. может оторваться от коллектива, если вовремя не поймет своих ошибок. Она не считается с мнением своих товарищей, поступает так, как ей хочется. Вчера, например, она ушла далеко в лес, никому ничего не сказав, и вся группа искала ее.

В полутьме горной хижины горячо, умно выступали коммунисты, критикуя своего товарища.

Один из выступавших сказал:

— Нина, вы должны были бы как комсомолка помогать нашему инструктору-комсомольцу и учиться у него навыкам опытного туриста, умению организовать коллектив.

В этих словах проявилась высокая взыскательность, требовательность советских людей друг к другу. Коммунисты хотели, чтобы хорошая, сплоченная группа стала еще организованнее и еще сплоченнее. Радостно было сознавать, что советские люди в трудных туристских походах хотят стать еще сильнее...

Прежде чем уйти дальше по маршруту, общее собрание группы решило посвятить поход борьбе советских людей за мир.

— Это значит, — сказал на собрании турист один из членов партии, — что в походе мы должны продемонстрировать высокую организованность, сплоченность, дружбу, взаимопомощь. Все эти качества очень нужны сейчас нам — советским людям...

Этот эпизод и многие другие, да и вся наша практика приводят к выводу: каждый шаг в нашей работе должна пронизывать партийность, партийное отношение к людям, умение связывать практические задачи воспитания в спорте, физической культуре с задачами, стоящими перед всем советским народом. Это основа всей воспитательной, педагогической работы.

Замечательные слова принадлежат Михаилу Ивановичу Калинин:

«Нельзя увлекаться спортом ради спорта... спорт надо подчинить общим задачам коммунистического воспитания. Мы ведь развиваем и готовим не узких спортсменов, но граждан советского строительства, у которых должны быть не только крепкие руки, хороший пищеварительный аппарат, но в первую очередь широкий политический кругозор и организаторские способности. Поэтому, вовлекая в физкультурное движение новые миллионы трудящейся молодежи, поднимая на высшую ступень наш спорт, комсомол должен обеспечить нашим физкультурникам четкое политическое и общественное лицо...».
(Калинин М.И., *О коммунистическом воспитании и обучении*. АПН РСФСР. 1948, стр. 29).

«Все предыдущие свойства коллектива не будут звучать, — говорит А.С. Макаренко, — если в его жизни не будет жить пафос исторической борьбы, переживаемой нами. В этой идее должны объединяться и воспитываться все прочие качества коллектива».

Эта связь коллектива с задачами страны легко осуществима даже в далеком походе по ненаселенным местам, а тем более в любом физкультурном коллективе, в любой спортивной команде. Для этого надо использовать обычные формы политико-массовой работы: стенгазеты, походные листки, лекции и доклады на политические темы, посещение колхозов, предприятий, мест боев времен гражданской войны и Великой Отечественной войны. И хорошая песня, и концерт самодеятельности, и вечерний костер имеют здесь большое значение.

Замечательной формой связи туристского, альпинистского коллектива с задачами и делами всей нашей социалистической отчизны является знакомство с тем краем, по которому проходят путешествия, походы. Кстати, эта же форма работы может и должна быть использована и во всех других видах спорта и физической культуры. Тренировки, соревнования, спортивные сборы часто проводятся в природных условиях, в соседних республиках, в интереснейших местах Родины. Инструктор, тренер, капитан команды должны использовать поездку для знакомства всех членов коллектива с делами советских людей, с данным уголком нашей Родины.

В туристских походах стали традицией многочасовые беседы с научными сотрудниками заповедников, экскурсии в музеи, лекции наших инструкторов-географов о климате, растительном и животном мире, о переделке природы советским человеком. Для таких лекций мы обычно выбирали легко доступную, но высокую вершину, с которой открывалась панорама гор.

Мы разыскивали людей, участников боев Отечественной войны в этом районе, украшали цветами могилы героев — защитников Кавказа.

Но одного знакомства с музеями или чтения лекций еще недостаточно. Надо глубже знакомить туристов с непосредственной жизнью советских людей, с их повседневной борьбой за построение коммунизма. Необходимо стремиться и самим принимать посильное участие в делах советских людей, с которыми встречаются туристы в путешествии. Во время наших походов инструкторы и туристы, например, делали для местного населения доклады на политические и научные темы. Туристские группы, останавливаясь на ночлег в населенных пунктах, превратили в традицию организацию концерта самодеятельности в поселковых клубах.

В январе 1951 года группа наших инструкторов совершила интереснейший поход на лыжах по Кольскому полуострову, за Полярным кругом. Маршрут на многих участках проходил по ненаселенной местности, без дорог, по таежным дебрям. Это был поход третьей, самой сложной категории трудности. Преодоление ряда препятствий, необходимость большого физического напряжения не помешали знакомству с делами местных советских людей, участию в культурных мероприятиях далеких заполярных поселков.

В городе Мончегорске участники похода выступали на молодежных собраниях, рассказывая о столице нашей Родины Москве, о ее преобразовании, о строительстве высотных зданий. Турист Рудольф Сиваков, студент педагогического института имени Ленина, рассказал о встрече студенчества с членами китайской молодежной делегации. Другой участник группы инженер Петр Шведов рассказал об одном из последних достижений советской техники — высококачественных телевизионных передачах. Такие же беседы мы провели на далеком лесоучастке и в крупном поселке Лесном на берегу Белого моря.

Местные партийные, комсомольские и хозяйственные работники, видя, что мы не только гости, наблюдающие их дела, но и активные участники культурно-массовой работы, радушно встречали нас, знакомили с историей своего края, с культурными и хозяйственными

достижениями Заполярья.

Стенгазеты, походные листки всегда были нашими спутниками в походах, на семинарах инструкторов-общественников. Походные листки были небольшого формата, заполнялись злободневными заметками, иногда юмористического характера с карикатурами. Они выпускались туристами при свете костров, электрических фонариков, на дневных привалах. Мы стремились придать боевой, наступательный характер стенгазетам и походным листкам. В них критиковались наши недостатки, подчеркивалось общенародное значение спорта, туризма, альпинизма, показывалось на фактах, какое огромное внимание уделяется физической культуре нашей партией, правительством и лично товарищем Сталиным.

Летом 1950 года в горном походном лагере мы завели «Почетную книгу Турграда». Это был альбом большого формата с красиво оформленной обложкой. По первоначальной идее в «Почетную книгу» следовало записывать тексты приказов о награждении значком «Турист СССР», о благодарностях, полученных туристами, об их достижениях. Но, как это часто бывает, жизнь усложнила содержание книги. Туристы внесли много теплоты, изобретательности в ее обогащение. В книгу начали записывать не только торжественные приказы, но и стихи, сложенные в Турграде, рисунки, рассказы о путях развития коллектива. Все записи любовно оформлялись туристами-художниками.

Так, несколько неожиданно для нас к концу сезона получился интереснейший документ, в котором отражались мысли и чувства советских людей, прошедших через необычайно красивый уголок Кавказа, документ, в котором выражалась величайшая признательность советских людей партии, правительству за счастливую жизнь. В «Почетной книге» нашло свое отражение могучее движение за мир, стремление советских людей к созиданию коммунистического общества.

Турист — сын солнечной Грузии И. Ахуашвили на родном языке записал стихи, которые здесь же в книге перевел один из инструкторов:

Со всех концов родной страны
Сошлись туристы к этим скалам.
Они спустились с перевалов
Походной дружбой скреплены.
От русских сел и городов
К границам Грузии прекрасной
Они несли привет и ласку,
В Турград, к подножью ледников...

«Почетную книгу» староста одной группы торжественно передавал на линейке старосте следующей группы, перед тем как уйти через перевал к морю.

Скажем еще несколько слов о песне. Каждый год мы приезжали в лагери со своими песнями, которые распевались нашими туристами в горах, а затем и на Черноморском побережье, куда туристы выходили в конце маршрута.

К сожалению, поэты и композиторы не балуют физкультурников хорошими песнями на спортивные, туристские, альпинистские темы. Наши поэты-любители смело взялись за дело. Используя все хорошее в туристско-альпинистском фольклоре, который, кстати сказать, отличается немалым богатством и своеобразием, они написали две песни.

Первая из них:
Нам по свету немало хаживать,
Жить у моря, в долинах, в лесах,
Переправ без мостов налаживать,
С ледорубом бродить в горах.

И на стройках далекого Юга.

И среди сталинградских степей,
В Заполярье средь дикой вьюги —
Мы повсюду найдем друзей.

Нам немало ночей тревожных
У лесного костра проводить.
Мы сумеем тайгой нехоженой
Без дороги маршрут проложить.

И в карпатских зеленых чашах,
На Курилах у дальних морей —
В нашей битве за мир и счастье
Мы повсюду найдем друзей.

Пусть грозит нам в пути непогода,
Мы любые преграды возьмем.
И отступит, сдаваясь, природа
Перед дружбой, упорством, трудом

Наше счастье растет все шире!
Не греметь над землею грозе!
На защиту труда я мира
Наша песня зовет друзей.

Жгло нам кожу в горах солнце южное,
Души Север седой закалил,
Страх развеяли ночи вьюжные,
Ветер Азия петь научил.

Нас согрела любовь народа
И бесстрашно мы смотрим вперед,
И повсюду в любых походах
Имя Сталина нас ведет.

Слова этой песни, сложенной на мотив песни "Я по свету немало хаживал", принадлежат наполовину студентам МГУ, наполовину нашим инструкторам.

Вот другая песня на мотив "Перелетных птиц", тоже сложенная нашими инструкторами:

В зеленой долине Кавказа,
Где ветрам и вихрям простор,
Раскинулась наша турбаза
Среди расступившихся гор.

Здесь к небу подняли отроги
Сверкающий искрами снег,
Отсюда уводят дороги
В долины грохочущих рек.

Встающему солнцу навстречу
Спортивный взвивается флаг,
Надень же, товарищ, на плечи

Свой верный походный рюкзак

Туда, где вздымаются скалы,
Где чаши лесные шумят,
Где в тучах лежат перевалы,
Уходит туристский отряд.

Извилистой горной тропой
Идти нелегко на подъем,
Но все же, товарищ, с тобою
Вперед мы упорно идем.

И пусть нам, тропу застилая,
Навстречу ползут облака.
В походе, товарищ, мы знаем,
Туристская дружба крепка.

Когда же с победою в лагерь
Придут из похода друзья,
С цветами их встретит у флага
Туристская наша семья.

Простые советские люди
Со всей необъятной страны,
Мы лагерь родной не забудем.
Где дружбой навек скреплены.

Не только песни собственного сочинения любили и пели туристские группы. В походах звучали песни советских композиторов, песни народов СССР. В лагерь съезжались туристы со всех концов страны — представители ряда национальностей великой сталинской семьи народов. И здесь, в горах, росла и крепла дружба между этими людьми, такими разными по возрасту, профессиям, национальности. Помогая друг другу в походе, сплачиваясь в дружные советские коллективы, наши туристские группы представляли собой замечательную иллюстрацию идеи дружбы народов СССР.

Традиционные туристские концерты превращались в праздники дружбы: русские и украинцы, грузины и латыши, эстонцы и белорусы, армяне и чувашаи, осетины, молдаване, башкиры выходили к костру со своими народными песнями и плясками.

Песни, призывающие к объединению людей доброй воли в защиту мира, звучали на всех языках народов Союза.

В торжественной и волнующей обстановке прошел на нашем маршруте сбор подписей под Стокгольмским Воззванием и туристы объявили свои походы посвященными борьбе за мир.

...Сложна, многообразна, ответственна работа инструктора-педагога. Смелым борцом за новые качества человека коммунистического общества должен он выступить.

Велика ответственность, велика и честь!